

ПАМ'ЯТНИКИ ЛІТЕРАТУРИ

ИПОЛИТ
БОГДАНОВИЧ

Душенька

im WERDEN-VERLAG
МОСКВА - АУГСБУРГ 2003

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Стр. 2. «Душенькины похождения». М., 1778. Титульный лист.
Стр. 6, 33, 43, и 62. Иллюстрации к «Душеньке». Гравюры Ф. П. Толстого. 1839
(«Душенька. Альбом иллюстраций». М., 1850). Пушкинский дом АН СССР.

Ипполит Богданович. Стихотворения и поэмы. Л. 1957. С. 45-126
© «Im-Werden-Verlag», 2003

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

Древняя повесть в вольных стихах

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОЧИНТЕЛЯ

Собственная забава в праздные часы была единственным моим побуждением, когда я начал писать «Душеньку»; а потом общее единоземцев благосклонное о вкусе забав моих мнение заставило меня отдать сочинение сие в печать, сколь можно исправленное. Потом имел я время исправить его еще более, будучи побужден к тому печатными и письменными похвалами, какие сочинению моему сделаны. Приемля их с должною благодарностию, не питаюсь самолюбием столь много, чтоб не мог восчувствовать моего недостаточества при выражениях одного неизвестного, которому в вежливых стихах его угодно было сочинение, «Душеньку», назвать творением самой Душеньки. Предки мои, служив верою и правдою государю и отечеству, с простым в дворянстве добрым именем, не оставили мне примера вознести себя выше обыкновенной тленности человеческой. Я же, не будучи из числа учрежденных писателей, чувствую, сколько обязан многих людей благодушию, которым они заменяют могущие встретиться в сочинениях моих погрешности.

СТИХИ НА ДОБРОДЕТЕЛЬ ХЛОИ

Красота и добродетель
Из веков имели спор;
Свет нередко был свидетель
Их соперничеств и ссор.
Хлоя! ты в себе являешь
Новый двух вещей союз:
Не манишь, не уловляешь
В плен твоих приятных уз;
Кто же хочет быть свидетель
Покорения сердец,
Хлоиных красот видец
Сам узнает наконец,
Сколь любезна добродетель!

КНИГА ПЕРВАЯ

Не Ахиллесов гнев и не осаду Трои,
Где в шуме вечных ссор кончали дни герои
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украстить песнь мою,
Котору в простоте и вольности слагаю.
Не лиры громкий звук — услышишь ты свирель.
Сойди ко мне, сойди от мест, тебе приятных,
Вдохни в меня твой жар и разум мой осмелъ
Коснуться счастья селений благодатных,
Где вечно ты без бед проводишь сладки дни,
Где царствуют без скук веселости одни.
У хладных берегов обильной льдом Славены,
Где Феб туманится и кроется от глаз,
Яви потоки мне чудесной Иппокрены.
Покрытый снежными буграми здесь Парнас
От взора твоего растаявал не раз.
С тобою нежные присутствуют зефиры,
Бегут от мест, где ты, докучные сатиры,
Хулы и критики, и грусти и беды;
Забавы без тебя приносят лишь труды:
Веселья морщатся, амуры плачут сиры.

О ты, певец богов,
Гомер, отец стихов,
Двойчатых, равных, стройных
И к пению пристойных!
Прости вину мою,

Когда я формой строк себя не беспокою
И мерных песней здесь порядочно не строю
Черты, без равных стоп, по вольному покрою,
На разный образец крою,
И малой меры и большия,
И часто рифмы холостые,
Без сочетания законного в стихах,
Свободно ставлю на концах.
А если от того устану,
Беструдно и отважно стану,
Забыв чернил и перьев страх,
Забыв сатир и критик грозу,
Писать без рифм иль просто прозу
Любя свободу я мою,
Не для похвал себе пою;
Но чтоб в часы прохлад, веселья и покоя
Приятно рассмеялась Хлоя.

Издревле Апулей, потом де ла Фонтен
На вечну память их имен,
Воспели Душеньку и в прозе и стихами
Другим языком с нами.
В сей повести они
Острейших разумов приятности явили;
Пером их, кажется, что грации водили,
Иль сами грации писали то одни.
Но если подражать их слогу невозможно,
Потщусь за ними вслед, хотя в чертах простых,
Тому подобну тень представить осторожно
И в повесть иногда вместить забавный стих.

В старинной Греции, в Юпитерово время,
Когда размножилось властительное племя.
Как в каждом городке бывал особый царь,
И, если пожелал, был бог, имел олтарь.
Меж многими царями
Один отличен был
Числом военных сил,
Умом, лицом, кудрями
Избытком животов,
И хлеба, и скотов.
Бывали там соседи
И злы и алчны так, как волки иль медведи:
Известен Ликаон,
Которого писал историю Назон;
Известно, где и как на самом деле он
За хищные дела и за кривые толки
Из греческих царей разжалован был в волки.
Но тот, о ком хочу рассказывать теперь,
Ни образом своим, ни нравом не был зверь;

Он свету был полезен
И был богам любезен;
Достойно награждал,
Достойно осуждал;
И если находил в подсудных зверски души,
Таким ослиные приклеивал он уши,
Иным сурову щеть, с когтями в прибыль ног,
Иным ревучий зев, другим по паре рог.
От едкой древности, котора быль глотает,
Архива многих дел давно истреблена;
Но образ прав его сохранно почитает
И самый поздний свет, по наши времена.
Завистным он велел, как вестно, в том труждаться,
Чтоб счастье других
Скучало взорам их
И не могли б они покоем наслаждаться.
Скупым определил у золота сидеть,
На золото глядеть
И золотом прельщаться;
Но им не насыщаться.
Спесивым предписал с людьми не сообщаться,
И их потомкам в казнь давалась та же спесь,
Какая видима осталась и поднесь.
Велел, чтоб мир ни в чем не верил
Тому, кто льстил и лицемерил.
Клеветникам в удел
И доносителям неправды государю
Везде носить велел

Противнейшую харю,
Какая изъявлять клеветущих могла.
Такая видима была
Не в давнем времени, в Москве на маскараде
Когда на масленой, в торжественном параде,
Народ осмеивал позорные дела.
И словом,
В своем уставе новом
Велел, чтоб обще все злонравны чудаки
С приличной надписью носили колпаки
По коим их тогда скорее узнавали
И прочь от них бежали.
По доброму суду, устав сей был не строг
И нравился народу,
Который в дело чтить не мог
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали в воду
Как будто рыбий род,
По несколько на всякий год.
Овидий, лживых лет потомственный писатель,
Который истину нередко обнажал,
Овидий, в самой лжи правдивых муз приятель,
Подробно описал,
У греков как дотоль бывали казни часты.
Преобращенные тогда в быков Церасты,
Цекропов целый род, за злобу и обман,
Во стадо обезьян,
Льстецы, за низость душ, в лягушки,
Непостоянные — в вертушки,
Болтливые — в сорок,
Жестокосердые — во мраморный кусок,
Тантал, Сизиф и Иксиона,
За алчну злобу их,
На вечной ссылке у Плутона,
И множество других
Почли бы все себе за милость и за ласки
Когда бы только царь,
Дурную в свете тварь
Рядя в дурные маски,
Наказывал стыдом.
Такая нова власть, без дальней людям казни,
Держала всех в боязни;
И добрый царь притом
Друзей из доброй воли
Откушать хлеба-соли
Зывал в свой царский дом.

О, если б ты, Гомер, проснулся!
Храня твоих героев честь,
Которы, забывая месть,

Любили часто пить и есть,
Ты б, слыша стих мой, ужаснулся
Что, слабый будучи певец,
Тебе дерзнул я наконец
Подобиться, стихов отец!
Возможно ль изъяснить достойно
Великолепие пиров
У царских греческих дворов,
О коих ты писал толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что царь любил себя казать,
Иных хвалить, иных тазать,
Поесть, попить и после спать.
А за такое хлебосољство,
И более за добрый нрав,
От всех соседственных держав
Явилось к нему посольство.
Особо же он был отличен из царей
За то, что трех имел прекрасных дочерей
Но солнце в красоте своей,
Когда вселенну освещает,
Луну и звезды помрачает, —
Подобно так была меньшая всех видней,
И старших сестр своих достоинства мрачила
И розы красоту, и белизну лилей,
И, словом, ничего в подобном виде ей
Природа никогда на свете не явила.

Искать приличных слов
К тому, что в множестве веков
Блистало толь отменно,
Напрасно было бы, и было б дерзновенно
Короче я скажу: меньшая царска дочь,
От коей многие вздыхали день и ночь,
У греков потому Психея называлась,
В языках же других, при переводе слов
Звалась она Душа, по толку мудрецов,
А после в повестях старинных знатоков
У русских Душенька она именовалась;
И пишут, что тогда
Изыскано не без труда
К ее названию приличнейшее слово,
Какое было ново.
Во славу Душеньке у нас от тех времен
Поставлено оно народом в лексиконе
Между приятнейших имен,
И утвердила то любовь в своем законе.

Но часто похвалы
Бывают меж людей опаснее хулы.

Презорна спесь не любит,
Когда повсюду трубит
Прямую правду вслух
Болтливая богиня Слава.
Чужая честь, чужие права
Завистливых терзают дух.
Такая, Душенька, была твоя прослуга
Как весь цитерский мир и вся его округа
Тебя особо обожали
И все к тебе бежали
Твое умножить торжество.
Соперницы своей не знала ты — печали!
Веселий, смехов, игр собор,
Оставив прелести Венеры,
Бежит толпою из Цитеры.
Богиня, обтекая двор,
Куда ни обращает взор,
Не зрит ни жертв, ни фимиамов;
Жрецы тогда стада пасли,
И множество цитерских храмов
Травой и лесом поросли.
Сады богини сиротели,
И дом являл опальный вид,
Зефиры изредка свистели:
Казалось ей, свистели в стыд
Непостоянные амуры,
Из храма пролетая в храм.
К унылой пустоте — природы
Не возмogli привыкнуть там
Оттуда все лететь хотели,
И все вспорхнули, возлетели
За Душенькою в новый путь
Искать себе свободной неги,
Куда зефиры стали дуть,
Куда текли небесны беги.
Оставших малое число,
Кряхтя под игом колесницы
Скучающей своей царицы,
Везде уныние несло.
Не в долгом времени, по слухам
Узнала наконец богиня красоты,
Со гневом пребезмерным
Причину вокруг себя и сук и пустоты.
Хоть Душенька гневить не мыслила Венеру
К достоинствам богинь имела должну веру
И в поступи своей всегда хранила меру,
Но вскоре всем хулам подвержена была.
Притом злоречивые духи,
О ней худые сея слухи,
Кривой давали толк на все ее дела;

И кои милостей иль ждали, иль просили,
Во угождение богине доносили,
Что будто Душенька, в досаду ей и в зло
Присвоила себе цитерских слуг число;
И что кому угодно
В то время мог солгать на Душеньку свободно.
Но чтобы делом месть
Над нею произвесть,
Собрав Венера ложь и всяку небылицу
Велела наскоро в дорожну колесницу
Шестнадцать почтовых зефиров заложить,
И наскоро летит Амура навестить.
Читатель сам себе представит то удобно,
Просила ли его иль так, или подобно,
Пришед на Душеньку просить и доносить:

«Амур, Амур! вступишь за честь мою и славу,
Яви свой суд, яви управу.
Ты знаешь Душеньку, иль мог о ней слышать:
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставит ни во что твою бессмертну мать:
Уже и нашими слугами
Осмелилась повелевать
А в областях моих над мной торжествовать;
Могу ли я сносить и видеть равнодушно,
Что Душеньке одной везде и все послушно!
За ней гоняся, от нас отходят прочь
Поклонники, друзья, амуры и зефиры,
И скоро Душеньке послушны будут миры.
Юпитер сам по ней вздыхает день и ночь,
И слышно, что берет себе ее в супруги,
Гречанку наглую, едва ли царску дочь,
Забыв Юнонины и верность и услуги!
Каков ты будешь бог и где твой будет трон,
Когда от них другой родится Купидон,
Который у тебя отымет лук и стрелы
И нагло покорит подвластны нам пределы?
Ты знаешь, сколь сыны Юпитеровы смелы:
По воле ходят в небеса
И всякие творят на свете чудеса.
И можно ли терпеть, что Душенька собою,
Без помощи твоей, во всех вселяет страсть,
Какую возжигать один имел ты власть?
Она давно уже смеется над тобою
И ставит в торжество себе мою напасть.
За честь свою, за честь Венеры
Яви ты строгости примеры;
Соделай Душеньку постылою навек,
И столь худою,
И столь дурною,

Чтоб каждый от нее чуждался человек;
Иль дай ты ей в мужья, кто б всех сыскался хуже,
Чтобы нашла она себе тирана в муже
И мучила б себя,
Жестокого любя;
Чтоб тем краса ее увяла,
И чтобы я покойна стала»,

Амур желал тогда пресечь
Сию просительную речь.
Хотя богинь он ведал свойство
Всегда соперниц клеветать,
Но должен был привести в спокойство
Свою прогневанную мать
И ей впоследок обещать
За дерзость Душеньку порядком постращать.
Услышав те слова, амуры ужаснулись
Весельи ахнули и смехи содрогнулись
Одна Венера лишь довольна тем была.
Что гнев на Душеньку неправдой навлекла;
С улыбкою на всех кидая взор приятно,
Сама рядила путь во остров свой обратно
И для отличности такого торжества
Явила тут себя во славе божества.
Отставлена была воздушна колесница,
Которую везла крылатая станица,
С прохладным роздыхом, порозжую назад.
Богиня, учредив старинный свой парад
И в раковину сев, как пишут на картинах,
Пустилась по водам на двух больших дельфинах.
Амур, простря свой властный взор,
Подвигнул весь Нептунов двор.
Узря Венеру, резвы волны
Текут за ней, весельем полны.
Тритонов водяной народ
Выходит к ней из бездны вод;
Иной вокруг нее ныряет
И дерзки волны усмиряет;
Другой, крутясь во глубине,
Сбирает жемчуги на дне
И все сокровища из моря
Тащит повергнуть ей к стопам.
Иной, с чудовищами споря,
Претит касаться сим местам;
Другой, на козлы сев проворно,
Со встречными бранится вздорно,
Раздаться в сторону велит,
Вожжами гордо шевелит,
От камней дале путь свой правит
И дерзостных чудовищ давит.

Иной, с трезубчатым жезлом,
На ките впереди верхом,
Гоня далече всех с дороги,
Вокруг кидает взоры строги
И, чтобы всяк то ведать мог,
В коралльный громко трубит рог;
Другой, из краев самых дальних,
Успев приплыть к богине сей,
Несет обломок гор хрустальных
Наместо зеркала при ней.
Сей вид приятность обновляет
И радость на ее челе.
«О, если б вид сей, — он вещает, —
Остался вечно в хрустале!»
Но тщетно то Тритон желает:
Исчезнет сей призрак, как сон,
Останется один лишь камень,
А в сердце лишь несчастный пламень,
Которым втуне тлеет он.
Иной, пристав к богине в свиту,
От солнца ставит ей защиту
И прохлаждает жаркий луч,
Пуская кверху водный ключ.
Сирены, сладкие певичцы,
Меж тем поют стихи ей в честь,
Мешают с быльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иные перед нею пляшут,
Другие во услугах тут,
Предуреждая всякий труд,
Богиню опахалом машут;
Другие ж на струях несясь,
Пышат в трудах по почте скорой
И от лугов, любимых Флорой,
Подносят ей цветочну вязь.
Сама Фетида их послала
Для малых и больших услуг,
И только для себя желала,
Чтоб дома был ее супруг.
В благоприятнейшей погоде
Не смеют бури там пристать,
Одни зефиры лишь в свободе
Венеру смеют лобызать.
Чудесным действием в то время,
Как в веяньи пшенично семя,
Летят обратно беглецы;
Зефиры, древни наглецы;
Иной власы ее взвевает,
Меж тем, открыв прелестну грудь,
Перестает на время дуть,

Власы с досадой опускает
И, с ними спутавшись летит.
Другой, неведомым языком,
Со вздохами и нежным криком
Любовь ей на ухо свистит.
Иной, пытаясь без надежды
Сорвать покров других красот,
В сердцах вертит ее одежды,
И падает без сил средь вод.
Другой в уста и очи дует
И их украдкою целует.
Гонясь за нею, волны там
Толкают в ревности друг друга,
Чтоб, вырвавшись скорей из круга,
Смирненно пасть к ее ногам;
И все в усердии Венеру
Желают провожать в Цитеру.
Не в долгом времени пришла к богине весть,
Которую Зефир спешил скорей принести,
Что бедство Душеньки преходит всяку меру,
Что Душенька уже оставлена от всех
И что вздыхатели, как будто ей в посмея,
От всякой встречи с ней повсюду удалялись,
Или к отцу ее во двор хотя являлись,
Однако в Душеньку уж больше не влюблялись
И к ней не подходили вблизи,
А только издали ей близко поклонялись.
Такой чудес престранный род
Смутил во Греции народ.
Бывали там потопа, моры,
Пожары, хлеба недород,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всех был нов.
Сказатели различных снов
И вопрошатели богов
О том имели разны споры.
Иной, напутав много врак,
Не сказывал ни так, ни сяк;
Но все согласно утверждали,
Что чуд подобных не видали
Во Греции с начала век.
Простой народ тогда в печали
К Венере вопиять притек:
«За что судьбы к народу гневны?
За что вздыхатели бежали от царевны?» —
Известно, что ее отменная краса
Противные тому являла чудеса.
Венера наконец решила всех судьбину:
Явила Греции сокрытую причину,
За что царева дочь теряет прежню честь,

За что против себя воздвигла вышню месть,
И с видом грозным и суровым
Царевым сродникам велела быть готовым
Еще к несчастьям новым,
Предвозвещая им на будущие дни
Беды и страшны муки,
Пока ее они
Не приведут к ней в руки.

Но царь и вся родня
Любили Душеньку без меры,
Без ней приятного не проводили дня, —
Могли ль предать ее на мщение Венеры?
И все в единый глас
Богине на отказ
Возопяли смело
Что то несбыточное дело.
Иные подняли на смех ее олтарь,
Другие стали горько плакать;
Другие ж, недослушав, такать,
Когда лишь слово скажет царь.
Иные Душеньке в утеху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда, во стыд богинь ее боготворили;
И что Венеры к ней и ненависть и месть
Ее умножат честь.
Царевне ж те слова, хотя и лестны были,
Но были ей милей,
Когда бы их сказал какой любовник ей.
От гордости она скрывала
Печаль свою при всех глазах
Но в тайне часто унывала,
Себя несчастной называла
И часто, в горестных слезах,
К Амуру вопияла
«Амур, Амур, веселий бог!
За что ко мне суров и строг?
Давно ли все меня искали?
Давно ли все меня ласкали?
В победах я вела часы,
Могла пленять, любить по воле;
За что теперь в несчастной доле?
К чему полезны мне красы?
Беднейшая в полях пастушка
Себе имеет пастуха:
Одна лишь я не с кем не дружка
Не быв дурна, не быв лиха!
Одной ли мне любить зазорно?
Но если счастье толь упорно

И так судили небеса,
То лучше мне идти в леса,
Оставить всех людей отныне
И кончить слезну жизнь в пустыне!»
Меж тем, как Душенька, тая свою печаль
От всех своих родных уйти сбиралась в даль,
Они ее бедой не менее крушились
И сами ей везде искали женихов;
Но всюду женихи страшились
Гневить Венеру и богов,
Которы, видимо, противу согласились.
Никто на Душеньке жениться не хотел,
Или никто не смел.
Впоследствии сродники советовать решились
Спросить Оракула о будущих судьбах.
Оракул дал ответ в порядочных стихах,
И к ним жрецы-пророки
Прибавили свои для толку строки;
Но тем ответ сей был не мене бестолков,
И слово в слово был таков:
«Супруг для Душеньки, назначенный судьбами,
Есть то чудовище, которо всех язвит,
Смущает области и часто их крушит,
И часто рвет сердца, питаясь слезами,
И страшных стрел колчан имеет на плечах:
Стреляет, ранит, жжет, оковы налагает,
Коль хрочет — на земли, коль хочет — в небесах,
И самый Стикс ему путей не преграждат.
Судьбы и боги все, определяя так,
Сыскать его дают особо верный знак:
Царевну пусть везут на самую вершину
Неведомой горы, за тридесять земель,
Куда еще никто не хаживал досель,
И там ее одну оставят на судьбину,
На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину».

Такой ответ весь двор в боязнь и скорбь привел,
Во всех сомнение и ужас произвел.
«О праведные боги!
Возможно ль, чтобы вы толико были строги?
И есть ли в том какая стать,
Чтоб Душеньку навек чудовищу отдать,
К которому никто не ведает дороги? —
Родные тако все гласили во слезах;
И кои знали всяки сказки,
Представили себе чудовищ злых привязки,
И лютой смерти страх,
Иль в лапах, иль в зубах,
Где жить ей будет тесно.
От нянек было им давно не безызвестно

О существе таких и змеев и духов,
Которы широко гортани разевают,
И что притом у них выдают
И семь голов, и семь рогов
И семь, иль более хвостов.
От страхов таковых родные возмутились;
Потом, без дальних слов,
Зывали множеством различных голосов;
Царевну проводить до места обещались,
И с нею навсегда заранее прощались.
Не знали только где была бы та гора,
К которой Душеньку отправить надлежало;
Оракул не сказал, или сказал, но мало,
В какую там явиться пору,
И как зовут такую гору?
Синай или Ливан, иль Тавр, или Кавказ?
И кои в Душеньке высокий разум чтили,
Догадываясь, мнили,
Что должно ехать ей конечно на Парнас.
Они наслышались, что некоторые музы
Имели с ней союзы;
Что Душенька от них училась песни петь
И таинства красот парнасских разуметь;
Но те, которые историю читали,
Противу предлагали,
Что музы исстари проводят в девстве век,
И никакой туда не ходит человек,
Что там нельзя найти ей мужа,
К тому ж от севера бывает часто стужа,
И у Кастальских вод
Хоть там дороги святы,
Нередко замерзал народ.
Иные, изобразив жарчайшие климаты,
Хотели Душеньку во Африку везти,
Где ведали, что есть чудовищи в чести;
Притом, последуя Оракулову гласу,
Хотели именно вести ее к Атласу,
Узнав, что та гора, касаяся небес,
Издревле множеством прославилась чудес;
И мнили, что, по сей примете,
Оракул точно так сказал в своем ответе.
Тогда смелейшие из плачущей родни
Представили, храня ее цветущи дни,
Что Душеньку легко там могут змеи скушать;
И громогласно все, без дальнего суда,
Воскликнули тогда,
Что участь Душеньки Оракул сам не ведит
И что Оракул бредит.

В совете наконец
Родня царевина, и паче царь-отец,

За лучше ставили, богов противясь власти,
Терпеть гонения и всякие напасти,
Чем Душеньку везти
На жертву без пути.
Но Душенька сама была великодушна,
Сама Оракулу хотела быть послушна.
Иль, может быть и так, чтоб мне не обмануть,
Она, прискучив жить с родными без супруга,
Искала наконец себе другого друга,
Кто б ни был, где ни будь;
И чтоб родным была видна ее услуга,
В решительных словах сама сказала им:
«Я вас должна спасти несчастьем моим.
Пускай свершается со мною вышня воля;
И если я умру, моя такая доля».
Меж тем как Душенька вещала так отцу,
И царь и весь совет пустились плакать снова
И в скорби не могли тогда промолвить слова,
Лишь токи слез у всех ручьились по лицу.
Но самую печаль в прегорестнейшем плаче,
Впервые зрел, кто зреть тогда царицу мог:
Рвалась и морщилась она пред всеми паче
И, память потеряв, валялась как без ног;
Иль в горести, теряя меру,
Ругала всячески Венеру;
Иль, крепко в руки хватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко пред народом
И всем своим клялася родом,
Доколь она жива,
Не ставить ни во что Оракула слова,
И что ни для какого чуда
Не пустит дочери оттуда.
Хотя ж кричала то во всю гортанну мочь,
Однако вопреки Амур, судьбы и боги,
Оракул и жрецы, родня, отец и дочь
Велели сухари готовить для дороги.

Во время оных лет
Оракул в Греции столь много почитался,
Что каждый исполнять слова его старался
И сам искал себе преднареченных бед,
Что только предсказать возможно.
Царевна оставляет град;
В дорогу сказан был наряд.
Куда? От всех то было тайно.
Царевна наконец умом
Решила неизвестность в том,
Как все дела своим судом
Она решила обычно,

Сказала всей своей родне,
Чтоб только в путь ее прилично снарядили
И в колесницу посадили,
Пусть по воле лошадей,
Без кучера и без возжей:
«Судьба, — сказала, — будет править,
Судьба покажет верный след
К жилищу радостей иль бед,
Где должно вам меня оставить»
По таковым ее словам
Не долго были сборы там.
Готова колесница,
Готова царска дочь, и вместе с ней царица,
Котора Душеньку не могли удержать,
Желает провожать.
Тронулись лошади, не ждав себе уряда:
Везут ее без поводов,
Везут с двора, везут из града
И, наконец везут из крайних городов.
В сей путь, короткий или дальний,
Устроен был царем порядок погребальный.
Шестнадцать человек несли вокруг свечи
При самом свете дня, подобно как в ночи;
Шестнадцать человек с печальною музыкой,
Унывный пели стих в протяжности великой;
Шестнадцать человек, немного тех позадь,
Несли хрустальную кровать,
В которой Душенька любила почивать;
Шестнадцать человек, поклавши на подушки,
Несли царевины тамбуры и коклюшки,
Которы клала там царица-мать,
Дорожный туалет, гребенки и булавки
И всякие к тому потребные прибавки.
Потом в параде шел жрецов усатых полк,
Стихи Оракула неся перед собою.
Тут всяк из них давал стихам различный толк,
И всяк желал притом скорей дойти к покою.
За ними шел сигклит и всяк высокий чин;
Впоследствии ехала печальна колесница,
В которой с дочерью сидела мать-царица.
У ног ее стоял серебряный кувшин;
То был плачевный урн, какой старинны греки
Давали в дар, когда прощались с кем навеки.
Отец со ближними у колесницы шел,
Богов прося о всяком благе,
И, предавая судьбам расправу царских дел,
Свободно на пути вздыхал при каждом шаге.
Взирая на царя, от всех сторон народ
Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы

С царевной шел в поход.
Иные хлипали, другие громко выли,
Не ведая, куда везут и дочь и мать;
Другие же по виду мнили,
Что Душеньку везут живую погребать.
Иные по пути сорили
Пред нею ветви и цветы,
Другие тут же гимны пели,
Прилично славя красоты,
Какие в первый раз узрели;
Другие ж божеством
Царевну называли
И, возвратяся в дом,
За диво возвещали.
Вотще жрецы кричали,
Что та царевне честь
Прогневает Венеру,
И, следуя манеру,
Толчком, и как ни есть,
Хотели прочь отвести
Народ от сей напасти;
Но все противу власти,
Забыв Венеры вред
И всю возможность бед,
Толпами шли насильно
За Душенькою вслед
Усердно и умильно.

Уже, через несколько недель,
Проехали они за тридевять земель,
Но ни единого пригорка не видали,
И кои более устали,
Со всякой бранью возроптали,
Что шли куда не знали.
Впоследок, едучи путем и вдоль и вокруг,
К одной горе они лишь только подступили,
Тут сами лошади остановились вдруг
И далее не шли, сколь много их не били.
Тут все судеб тогда признаки находили;
Признаки те жрецы согласно подтвердили,
И все сказали вдруг, что должно точно там,
На высоте горы, Оракуловым словом,
Оставить Душеньку у неба под покровом.
Вручают все ее хранителям-богам,
Ведут на высоту по камням и пескам,
Где знака нет дороги,
Едва подъявля вверх свои усталые ноги,
Через камни, чрез бугры и чрез глубоки рвы,
Где нет ни лесу, ни травы,
Где алчные рыкают львы.

И хоть жрецы людей к отваге
Увещевали в сих местах,
Но все, при каждом шаге,
Встречали новый страх:
Ужасные пещеры,
И к верху крутизны,
И к бездне глубины,
Без вида и без меры,
Иным являлись там мегеры,
Иным летучи дормадеры,
Иным драконы и церберы,
Которы ревами, на разные манеры,
Глушили слух,
Мутили дух.
Таков был путь, куда царевна торопилась,
Куда вся свита вслед за ней, кряхтя, толпилась.
Осталась позади одна царица-мать,
Не могли далее полугоры шагать,
И с Душенькой навек поплакав там, простилась.
При трудности тогда царевина кровать
В руках несущих сокрушилась,
И многие от страха тут,
Имея многий труд,
Немало шапок пороняли,
Которы наподхват драконы пожирали.
Иные по кустам одежды изодрали
И, наготы имея вид,
Едва могли прикрыть от глаз сторонних стыд.
Осталось наконец лишь несколько булавок
И несколько стихов Оракула для справок.
Но можно ль описать пером
Царя тогда с его двором,
Когда на верх горы с царевной все явились?
Читатель сам себе представит то умом.
Я только лишь скажу, что с нею все простились;
И напоследок царь, согнутый скорбью в крюк,
Насильно вырван был у дочери из рук.
Тогда и дневное светило,
Смотря за горесть сих разлук,
Казалось, будто сократило
Обыкновенный в мире круг
И в воды спрятаться спешило.
Тогда и ночь,
Одну увидев царску дочь,
Покрылась черным покрывалом
И томнейшим лучом едва светящих звезд
Открыла в мрачности весь ужас оных мест.
Тогда и царь скорей предпринял свой отъезд,
Не ведая конца за толь слепым началом.

КНИГА ВТОРАЯ

Но где возьму черты
Представить страх, какой являла вся природа,
Увидев Душеньку в пространстве темноты,
Оставшу без отца, без матери, без рода,
И, словом, вовсе без людей,
Между драконов и зверей?
Тут все что царска дочь от нянюшек слыхала
И что в чудеснейших историях читала,
Представилось ее смущенному уму.
Страшилища духов, волшебные призраки
Различных там смертей являли ей признаки
И мрачной ночи сей усугубляли тьму.
Но Душенька едва уста свои открыла
Промолвить жалобу, не высказав кому,
Как вдруг чудесна сила
На крылех внутренних взнесла ее над мир.
Невидимый Зефир,
Ее во оный час счастливый похититель,
И спутник и хранитель,
Неслыханну дотоль увидев красоту,
Запомнил Душеньку уведомить сначала,
Что к ней щедротно власть тогда повеливала
Ее с почтением восхитить в высоту;
И, мысли устремив к особенному диву,
Взвевал лишь только ей покровы на лету.
Увидя ж Душеньку от страха еле живу,
Оставил свой восторг и страх ее пресек,
Сказав ей с тихостью, преличною Зефиру,
Что он несет ее к блаженнейшему миру —
К супругу, коего Оракул ей прорек;
Что сей супруг давно вздыхает без супруги;
Что к ней полки духов
Назначены в услуги,
И что он сам упасть к ногам ее готов,
И множество к тому прибавил лестных слов.
Амуры, кои тут царевну окружали,
И уст улыбками и радостями очес
Отсюду те слова согласно подтверждали.
Не в долгом времени Зефир ее вознес
К неизвестному ей селению небес,
Поставил средь двора, и вдруг оттоль исчез.
Какая Душеньке явилась тьма чудес!
Сквозь рощу миртовых и пальмовых древес
Великолепные представились чертоги,
Блестящие среди бесчисленных огней,
И всюду розами усыпаны дороги;

Но розы бледный вид являют перед ней
И с неким чувствием ее лобзают ноги.
Порфирные врата, с лица и со сторон,
Сафирные столпы, из яхонта балкон,
Златые купола и стены изумрудны
Простому смертному должны казаться чудны:
Единым лишь богам сии дела не трудны.
Таков открылся путь — читатель, примечай —
Для Душеньки, когда из мрачнейшей пустыни
Она, во образе летящей вверх богини,
Нечаянно взнеслась в прекрасный некий рай.
В надежде на богов, бодряся их признаком,
Едва она ступила раз,
Бегут на встречу к ней тотчас
Из дому сорок нимф в наряде одинаком;
Они старались приход ее стеречь;
И старшая из них, с пренизким ей поклоном,
От имени подруг почтительнейшим тоном
Сказала должную приветственную речь.
Лесные жители своим огромным хором
Потом пропели раза два,
Какие слышали похвальны ей слова,
И к ней служить летят амуры всем собором.
Царевна ласкова, на каждую ей честь,
Ответствовала всем то знаком, то словами.
Зефиры, в тесноте толкаясь головами,
Хотели в дом ее привести или принести;
Но Душенька им тут велела быть в покое
И к дому шла сама среди различных слуг,
И смехов и утех, летающих вокруг.
Читатель так видал стремливость в пчельном рое,
Когда юничный род, оставя старых пчел,
Кружится, резвится, журчит и вдаль летает,
Но за царицею, котору почитает,
Смирятся, летит на новый свой удел.

Царевна посреди сих почестей отменных
Не знала, дух ли был иль просто человек
Обещанный супруг, властитель мест блаженных,
Которого пред сим Зефир в словах смятенных
Отчасти предвестил, но прямо не нарек.
Вступая в дом, она супруга зреть желала
И много раз о нем служащих вопрошала;
Но вся сия толпа, котора с нею шла
Или вокруг летала,
Уведомить ее подробней не могла,
И Душенька о том в незнании была.
Меж тем прошла она крыльцовые ступени
И введена была в пространнейшие сени,
Отколь во все края, сквозь множество дверей,

Открылся перед ней
Прекрасный вид аллея,
И рощей, и полей;
И более потом высокие балконы
Открыли царство там и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды,
И чудные сады.
Оттуда сорок нимф вели ее в чертоги,
Какие созидать удобны только боги,
И тамо Душеньку, в прохладе от дороги,
В готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистейшей принесли,
Котору, вместо вод, повсюду собирали.
Зефиры воздух там дыханьем согревали,
Из разных аромат вздували пузыри
И благовонные устраивали мыла,
Какими моются восточные цари
И коих ведома бодрительная сила.
Царевна в оный час, хотя и со стыдом,
Со спором и трудом,
Как водиться при том,
Взирая на обновы,
Какие были там на выбор ей готовы,
Дозволила сложить с красот свои покровы.
Полки различных слуг, пред тем отдав поклон,
Без вздохов не могли оттуда выйти вон,
И даже за дверьми, не быв тогда в услуге,
Охотно след ее лобзали на досуге.
Зефиры лишь одни, имея вход везде,
Зефиры хищные, затем что ростом мелки,
У окон и дверей нашли малейши щелки,
Прокрались между нимф и спрятались в воде,
Где Душенька купалась.
Она пред ними там во всей красе являлась,
Иль паче — им касалась;
Но Душенька о том никак не догадалась.

Зефиры! Коих я пресчастливыми чту,
Вы, кои видели царевны красоту;
Зефиры! вы меня как должно научите
Сказать читателям, иль сами вы скажите
И части, и черты,
И все приятности царевнины подробно,
Которых мне пером представить не удобно;
Вы видели тогда не сон и не мечты...
Но здесь молчите вы... молчанье разумею.
К изображению божественных даров
Потребен вам и мне особый дар богов;
Я здесь красот ее описывать не смею.

Царевна, вышедши из бани наконец,
Со удовольствием раскидывала взгляды
На выбранны для ней и платья и наряды,
И некакой венец.
Ее одели там, как цаскую особу,
В богатейшую робу.
Нетрудно разуместь, что для ее услуг
Горстями сыпались каменя и жемчуг,
И всяки редкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль Душенька тогда лишь только что помнила,
Желаемая вещь пред ней являлась вдруг;
Пленяясь своим прекраснейшим нарядом,
И по стенам пред ней стоят великим рядом,
Дабы краса ее удвоена была.
Увидев там себя лицом, плечом и задом,
От головы до ног,
Легко могла судить царевна на досуге
О будущем супруге,
Что он, как видно, был гораздо не убог.
Меж тем к ее услуге
В особой комнате явился стол готов;
Приборы для стола, и ествы и напитки,
И сласти всех родов
Являли там вещей довольство и избытки;
Не менее и то, что только для богов,
В роскошнейшем жилище
Могло служить к их пище,
Стояло перед ней во множестве рядов;
Иной вкусив, она печали забывала,
Другая ей красот и силы придавала.
Амуры, бегая усердие явить,
Хозяйки должности старались разделить:
Иной во кравчих был, другой носил посуду,
Иной уставливал, и всяк совался всюду;
И тот считал себе за превысоку честь,
Кому из рук своих домова их богиня
Полрюмки нектару изволила поднести,
И многие пред ней стояли рот разиня,
Хотя амуры в том,
По правде, жадными отнюдь не почитались
И боле, нежели вином,
Царевны зрением в то время услаждались.
Меж тем над ней с верхов,
В чертогах беспечальных,
Раздался сладкий звук орудий музыкальных
И песен ей похвальных,
Какие мог творить лишь только бог стихов.
Вначале райские певицы
Воспели красоту сей новой их царицы.

Читатель знает сам, приятна ль ей была
Такая похвала;
Но, впрочем, Душенька решить не возмогла,
Приятство ль голосов, достоинство ль скрипицы,
Согласие ли арф, иль флейту предпочесть, —
В искусстве все едины были духом,
Чтоб Душенька в раю
Познала часть свою
Прикосновением, устами, оком, слухом;
Коль можно почитать за правду все слова,
У греков есть молва,
Что будто бы к сему торжественному хору
Нарочно сысканы Орфей и Амфион,
И будто, в Душеньку влюбся по разбору,
Играл и правил там оркестром Аполлон.
Впоследствии хор певиц, протяжистым манером,
С приличным некаким размером,
Воспел стихи, возвысив тон,
Толико медленно, толико слуху внятно,
И их сложение пленяло толь приятно,
Что Душенька легко слова переняла,
Легко упомнить их могла,
И скоро затвердила,
И по всему двору впоследствии распустила.
Потом нескромные зефиры разнесли
Стихи сии оттоль по всем концам земли;
Потом же таковы и к нам они дошли:
«Любови все сердца причастны.
Познай ты, Душенька, любовь,
И счастье познаешь вновь».

Трикратно песня та пред Душенькой пропета,
И пели, наконец, царевне многа лета.
Потом одна из нимф явилась доложить,
Что время ей уже в постеле опочить
При слове «опочить» царевна покраснела
И, как невеста, оробела,
Однако спорить не хотела.
Раздета Душенька; ведут ее в чертог,
И там, как надобно к покою от дорог,
Кладут ее в постель на некоем престоле
И, поклонившись ей, уходят все оттоле.
Не знаемо отколь, тогда явился вдруг
В невидимом лице неведомый супруг.
А если спросят, как невидимый явился, —
Нетрудно отвечать: явился он впотьмах
И был в объятиях, но не был он в очах;
Как дух или колдун он был, но не открылся.

Никто не смел раскрыть завесы дел ночных.
Не знаю, что они друг с другом говорили,
Ни околичностей, при том какие были;
Навеки тайна та осталась между их.
Но только поутру заметили амуры,
Что нимфы меж собой смеялись под тишком,
И гостья, будучи стыдлива от природы,
Казалась между их с завешенным ушком.

Супружество могло царевне быть приятно,
Лишь только таинство казалось непонятно:
Супруг у Душеньки, сказать, и был и нет;
Приехал ночью к ней, уехал до рассвета,
Без имени без лет,
Без роста, без примет,
И вместо должного ответа,
Скрывая, кто он был, на Душенькин вопрос
Просил, увещевал, для некаких ей гроз,
Чтоб видеть до поры супруга не желала;
И Душенька не знала,
С каким чудовищем иль богом ночевала,
Неслыхан был подобный брак.
Царевна, думая и так о том и сяк,
Развязку тайны сей в Оракуле искала;
Оракул ей давно супруга описал
Страшилищем ужасным:
Супруг с Оракулом начался быть согласным,
Как будто он себя затем и не казал.
Хотя же Душенька противно б разумела,
Касавшись до супружня тела,
Хотя б казалось ей
Из всех его речей,
Но так Оракул рек и так вещали боги,
Что сей супруг ее наносит всюду страх.
Или зверины ноги,
Иль когти на руках,
Иль гнусную фигуру,
Так лучше Душеньке уroda такова,
Который всю страшит природу
Не видеть и не знать, пока она жива.
Меж тем как Душенька в постеле
Не знала, как решить о деле,
Заря гнала ночную тень.
И светлый вид воспринял день;
Но свет тогда не мог забавить
Смущенную цареву дочь,
Которая минувшу ночь
В забвеньи не могла оставить.
Тогда услужный сон, не дожидаясь ночи
Поутру вновь сомкнул ее прекрасны очи.

Потом, летаючи вокруг ее лица,
Явил супруга ей со всею красотою —
Со стройством, нежностью, дородством, белизною,
С румянцем краше багреца:
Явил подобие молодого Аполлона,
Иль, можно так сказать, прекрасна Купидона,
В восемнадцать лет иль так почти,
Что был он близко двадцати,
И был во всей красе и славе.
Царевна, в оном сне обманута мечтой,
Супруга чаёт видеть въяве,
Хватает тень, кричит: стой!
Призра́к в восторг ее приводит,
Но сей призра́к от ней уходит,
Как будто б удалялся он.
Она зовет, бежит и беглеца хватает.
Сие движение впоследствии прерывает
Ее неверный сон:
И Душенька в руках, проснувшись, ощущает,
Наместо беглеца, свой спальный балахон.

Известно, что тогда супруг, сокрывшись тамо,
Желал подслушивать ее любовный бред,
Но рок свиданию противился упрямо;
Царевна видела супружний только след,
И только было то приметить ей возможно,
Что он гостил у ней неложно,
Что он в отсутствии оставил ей любовь
И что любовью сей она тогда сгорала.
«Но кто таков был он? но кто?» — твердила вновь,
И вновь тогда заснуть желала.
И сон опять, кружась над нею с тишиною,
Спокоил мысль ее приятною мечтою
В другой, как в первый, раз.
Не знаю, долго ли мечта сия продлилась,
Но Душенька от сна не прежде пробудилась,
Как полдень уж прошел и после полдня час.

Тогда служащие девицы всем собором
Царевну вновь одеть пришли
И сорок платьев принесли
Со всем к тому прибором.
В сей день она себе назначила наряд,
Который был простее,
Затем, что Душенька спешила поскорее
Увидеть редкости чудесных сих палат.
Я, в том последую царевнину уставу,
Сей дом представить поспешу
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей там принести забаву.

Вначале Душенька по комнатам пошла,
И, тамо бегая, нигде не пробежала
Покоя, ни угла,
В котором бы она на час не побывала;
Оттуда в бельведер, оттуда на балкон,
Оттуда на крыльцо, оттуда вниз и вон,
Чтоб видеть дом со всех сторон.
Толпа девиц за ней бежать не поспевала,
Земфиры лишь одни ей следовать могли,
И Душеньку везде, как должно, берегли,
Чтоб как ни есть она, бежавши, не упала.
Она смотрела раза три
Сей дом снаружи и внутри.
Меж тем земфиры и амуры
Казали ей архитектуры
И всяки редкости натуры,
Которы Душенька, оглядывая вокруг,
Желала видеть вдруг,
И что смотреть не знала;
Одна перед другой со спором взор пленяла,
И Душенька б еще пошла по всем местам,
Когда б от бегу там
Впоследок не устала.

Во отдыхе ж она от сих тогда трудов
Смотрела статуи славнейших мастеров:
То были образцы красавиц бесподобных,
Которых имена, и в прозе, и в стихах,
В различных повестях, и кратких и подробных,
Бессмертно царствуют в народах и веках.
Калисто, Дафния, Армида, Ниобея,
Елена, Грации, Ангелика, Фринея
И множество других богинь и смертных жен,
Очам являясь живо,
Во всей красе на диво
Стояли там у стен.
Но посредине их в начале,
На некоем высшем пьедестале
Самой царевны лик стоял
И боле красотой другие превышал.
Смотря на образ свой, она сама дивилась
И вне себя остановилась!
Другая статуя казалась в ней тогда,
Какой вовеки свет не видел никогда.

Конечно, Душенька и доле б так осталась
Смотреть на образ сей,
Которым обольщалась;
Но слуги, бывшие при ней,
В других местах казались ей,

Для новой глаз ее забавы,
Другие образы красот ее и славы:
До пояса, до ног, в весь рост, до самых пят,
Из золота, из серебра, из бронзы иль из стали,
И головы ее, бюсты, и медали;
А инде мозаик, иль мрамор, иль агат
В сих видах новую бесценность представляли.

В других местах Апелл, иль живописи бог,
Который кисть его водил своей рукою,
Представил Душеньку со всею красотою,
Какой дотоле ум вообразить не мог.
Желает ли она узреть себя в картинах?
В иной — фауны к ней несут Помонин рог,
И вяжут ей венки, и рвут цветы в долинах,
И песни ей дудят, и скачут в круговинах;
В другой — она, с щитом prestaшным на груди,
Палладой наряжаясь, грозит на лошади,
И, боле чем копьем, своим прекрасным взором
Разит сердца приятным мором.
А там пред ней Сатурн, без зуб, плешив и сед,
С обновою морщин на старолетней роже,
Старается забыть, что он давнишний дед,
Прямит свой дряхлый стан, желает быть моложе,
Кудрит оставшие волос своих клочки,
И видеть Душеньку вздевает он очки;
А там она видна, подобяся царице,
С амурами вокруг, в воздушной колеснице,
Прекрасной Душеньки за честь и красоту
Амуры там сердца стреляют на лету:
Летят великою толпою,
И все они несут колчаны за плечами,
И все, прекрасными гордясь ее очами,
Летят, поднявши лук, на целый свет войною.
А там свирепый Марс, рушитель мирных прав,
Увидев Душеньку, являет тихий нрав:
Полей не обагрят кровью,
И наконец, забыв военный свой устав,
Смягчен у ног ее, пылает к ней любовью.
А там является она среди утех,
Которы ей везде предходят
И вымыслами игр повсюду производят
В лице ее приятный смех.
А инде грации царевну окружают,
Ее различными цветами украшают,
И тихо вокруг ее летающий зефир
Рисует образ сей, чтоб им украсить мир;
Но в ревности от взглядов вольных,
Умеривая ум любителей свобод,
Иль будто бы странясь от критик злокрамольных,

Скрывает в списке он большую часть красот;
И многие из них, конечно чудесами,
Пред Душенькою вдруг тогда писались сами.
Везде в чертогах там
Царевниным очам
Торжественны ей в честь встечались предметы:
Везде ее портреты
Являлись по стенам,
В простых уборах и нарядах
И в разных платьях маскарадных.
Во всех ты, Душенька, нарядах хороша
По образу ль какой царицы ты одета,
Пастушкою ли где сидишь у шалаша,
Во всех ты чудо света,
Во всех являешься прекрасным божеством,
И только ты одна прекраснее портрета.
Потомство ведает, что сей чудесный дом,
Где жители тебя усердно обожали,
Сей храм твоих красот амуры соружали,
Амуры украшали,
Амуры образ твой повсюду там казали,
Амуры, наконец,
Примыслили к лицу, на всякий образец,
Различные уборы,
Могущие привлечь твои прелестны взоры.
Угоден ли какой наряд
И надобны ль тебе обновы?
Увидишь, что они готовы,
Что твой уже примечен взгляд,
И из твоей воздушной свиты
Зефир пришел тебе донести,
Что все обновы были сшиты, —
Когда прикажешь их принести?

Желал бы описать подробно
Другие редкости чудесных сих палат,
Где все пленяло взгляд
И было бесподобно;
Но всюду там умом
Я Душеньку встречаю,
Прельщаюсь и потом
Палаты забываю.
Не всяк ли дом, не всяк ли край
Ее присутствием преобращался в рай?
Не ею ль рай имел и бытность и начало?
И если я сказал о сих палатах мало,
Конечно в том меня читатели простят;
Я должен следовать за Душенькою в сад,
Куда она влечет и мысли всех и взгляд.

В счастливых сих местах земля была нагрета
Всегдашним жаром лета,
И щедро в круглый год
Произрощала плод
Без всяких непогод.
Толпа к царевне слуг навстречу прилетела,
И каждый тщился там не быть при ней без дела:
Водить, рассказывать иль просто забавлять.
Весь двор внимал тому, что Душенька хотела
Побегать, погулять;
И в рощах иль в садах, где только лишь являлась,
Ее пришествием натура обновлялась;
Древа склоняли к ней листы,
Как будто бы тогда влечение познали,
И тихим шумом лишь друг другу возвещали
Под тению своей царевны красоты;
И травы и цветы,
Раскидываясь вновь, в сей день, для них приятный,
Удвоили в садах свой запах ароматный.
Но боле там ясмин пред прочими блистал,
И где царевна шла, навстречу вырастал.
Она ясминный дух с отменою любила,
И те цветы себе в букет употребила.
Счастливый сей букет приколонный на грудь,
Как будто, оживлен клонился к ней прильнуть.
Приникли хоры птиц, подслушав шум древестный,
И за амурами стремились в путь известный,
Чтоб Душеньку увидеть вблизи;
Одни над нею вкруг вились,
Другие перед ней летали
И много меж собой в сем диве щебетали.
Не видно было там ночных зловещных птиц,
Ниже угрюмых лиц;
Не смели приставать сварливые сатиры,
И веяли тишайшие зефиры.
Фонтаны силились подняться в высоту,
Чтоб лучше видеть им царевны красоту,
Которую толпа окружна заслоняла;
И если Душенька вблизи от них гуляла,
Они стремились пасть к ее ногам.
В водах плескаючись, наяды
Нетерпеливо ждали там
Ее пришествия к счастливым их брегам.
Иные взлезли на каскады
Смотреть на путь ее, главы свои подняв,
И, Душеньку узрев, бросались к ней стремглав;
В сем общем торжестве природы
И сами каменны над токами фигуры,
От удивления везде разинув рот,
Из внутренностей вдруг пускали много вод.

Сей вид представил ей различных тварей род
В изображениях неисчислимо многих:
Ползущих, скачущих, пернатых, четверногих;
И все творения и чуды естества
Явились тогда в счастливой сей державе
К услугам Душеньки, или к ее забаве,
Иль к славе торжества.
Оттуда шла она в покрытые аллеи,
Которые вели в густой и темный лес.
При входе там, в тени развесистых древес,
Открылись новые художные затеи.
Богини, боги, феи,
Могучие богатыри
И славные цари
В былях и в небылицах
Являлись тамо в лицах,
Со описанием, откуда, кто, каков.
И, словом, то была история веков.
Притом услужные амуры
Различны повести старались рассказать;
И тамо Душенька, среди чудес природы,
Нашла в явлениях свой род, отца и мать;
И с самой точностью, в безлюдной сей пустыне,
Весь мир являлся ей, как будто на картине.
Хотя ж гулянье по лесам
Особо Душенька любила
И после каждый день ходила,
Со свитой и одна, к тенистым сим местам,
Но в сей начальный день не шла в густые рощи,
Иль ради наступившей ночи,
Или, не зря дороги в лес,
Боялась всяких там чудес,
Иль нежные в ходьбе ее устали ноги;
И Душенька оттоль пошла назад в чертоги.
Не стану представлять
Читателю пред очи
Приятны сны ее в последовавши ночи;
Он сам удобно их возможет отгадать.
Но дни бывали там причиною разлуки,
И дни, среди утех, свои имели скуки.
По слуху, говорят,
Что Душенька тогда пускалася в наряд;
Особо же во дни, когда собиралась в сад,
Со вкусом щеголих обновы надевала.
На свете часто слух имеет правды склад:
Прилично было б то, что Душенька гуляла
И скуку иногда гульбою прогоняла.

В один из оных дней,
Прошедши в лес далече,

Царевна там на встрече
Увидела ручей,
Который по дуброве,
Как будто бы на зов,
Пред нею вытек внове.
Но красота берегов,
При токе вод хрустальных,
Скрывалась в рощах дальних,
И обольщенный взор
Вела потом до гор,
Откуда чисты токи,
Прервал земли упор,
Давали ей из нор
Растительные соки.
Тогда открылся грот,
Устроенный у вод
По новому манеру;
Он вел потом в пещеру,
Где солнечны лучи
Светили лишь при входе
И где, журча, ключи,

Подобно как в ночи,
Во мрачнейшей свободе
Являли скрытый вид
Иль таинство в природе.
История гласит,
И знают то в народе,
Что Душенька, вошед
В неведомый ей след,
При темном дел начале
Идти не смела дале.
Но чудом тамо вдруг,

Без всякой дальней речи,
Невидимо супруг
Схватил ее под плечи,
И в самой темноте,
На некой высоте
Из дернов зеленистых,
При токах вод ручьиных,
С собою посадил
И много говорил
И прозой и стихами,
Как водится меж нами.
Не ведает никто,
В каких словах на то
Царевна отвечала;
Известно только нам,
Что после к сим местам
Дорожку протоптала.
С тех пор царева дочь
Часы и в день и в ночь
С супругом провождала
И боле всех охот
Любила темный грот.
Когда же застигалась
Ночною темнотою,
То вместе возвращалась
С супругом в свой покой.
Тогда воздушна колесница
Несла их в облаке густом
Под темным некаким шатром;
И каждый день сих мест царица,
Спокоенная сладким сном,
Пускалась в прежний путь потом,
Из дома в грот, из грота в дом.

Но разум требует себе часов свободы,
Скучает проводить в любви целый день
Царевна следуя уставу в том природы.
Тогда изобрела потех различны роды,
Амуров с нимфами веселы хороводов,
И жмурки, и плетень,
Со всякими играми,
Какие и до днесь остались между нами.
Амуры, наконец, старались изобрести
По вкусу Душеньки, комедии, балеты,
Концерты, оперы, забавны оперетты
И всё, что острый ум удобен произвести
В счастливых днях и безмятежных
К утехам чувствий нежных.
Во Греции Менандр, во Франции Мольер,
Кино, Детуш, Реньяр, Руссо и сам Вольтер,

В России, наконец, подобный враг пороков,
Писатель наших дней, почтенный Сумароков
Театру Душеньки старались подражать,
И в поздних лишь веках могли изображать
Различны действия природы,
Какие в первый раз явили там амуры.
Но чтобы длились веселья без помех,
Печальный всякий вид смертей, скорбей, измены
Неведом был в раю, где царствовал лишь смех,
И где, среди утех,
Оставлен был кинжал плачевной Мельпомены.
Царевна, с возрастом познательнейших лет,
Знакомым прежде ей любила видеть свет
И часто, детские оставивши забавы,
Желала боле знать людские разны нравы,
И кто, и как живал, и с пользой или нет;
Сии познания о каждом человеке
Легко могла найти в своей библиотеке.
Великая громада книг,
И малых и больших,
Ее от чтения сначала отвращала,
Но скоро Душенька узнала,
Что разум ко всему возможно приучать, —
Узнала дельный смысл от шуток отличать,
Судить и примечать.
В историях правдивых
Довольное число нашла прибавок лживых.
В писателях систем
Нашла, при всякой смеси,
Довольно вздорной спеси,
Хоть часто их предлог не кончился ничем.
Нечаянно же ей во оной книг громаде
Одну трагедию случилось развернуть, —
Писатель тщился там слезами всех тронуть,
И там любовница в печальнейшем наряде,
Не зная, что сказать, кричала часто: ах!
Но чем и как в бедах
Ее вершился страх?
Она, сказав «люблю», бежала из покоя
И ахать одного оставила героя.
Царевна там взяла читать еще стихи,
Но, их читаючи, как будто за грехи,
Узнала в первый раз уполненную скуку
И, бросив их под стол, при том ушибла руку.
Носился после слух, что будто наконец
Несчастных сих стихов творец
Указом Аполлона
Навеки согнан с Геликона
И будто Душенька боясь подобных скук
Иль ради сохраненья рук,

Стихов с неделю не читала,
Хотя любила их и некогда слагала.
Во время такова изгнания стихов,
Когда не члися там ни песни к ней, ни оды,
Желала посмотреть царевна переводы
Известнейших творцов;
Но часто их тогда она не разумела
И для того велела
Исправным слогом вновь амурам перевести,
Чтоб можно было их без тягости прочесть,
Зефиры, наконец, царевне приносили
Различные листки, которые на свет
Из самых древних лет
Между полезными предерзко выходили
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликон.
Царевна, зная кому неведом был закон,
Листомарателей свобод не нарушала,
Но их творений не читала.
Уже три года, как царевна провождала
И доле так жила, когда б сей светлый рай
Желаниям ее возмог соделать край;
Но любопытный ум, при всякой в жизни воле,
Нередко слабостью бывает в женском поле.
Царевна, распознав
Супруга своего приятный ум и нрав,
О нем желала ведать боле:
Во всех свиданьях с ним, по дням и по ночам
И в облачном полете,
Просила с жалобой, чтоб он ее очам
Явил себя при свете.
Вотще супруг всегда царевну уверял,
Что он себя скрывал
Для следствий самых важных;
Вотще ей знать давал,
Что он не мог никак нарушить слов присяжных
И Стиксом клялся в том богам.
Царевна Стиксом насмежалась
И часто удержать старалась
Супруга в доме по утрам,
И часто, силясь без меры,
На свет тащила из пещеры;
Но он из рук ее тогда,
Как ветер, уходил неведомо куда.
В другие времена такие нежны споры
Рождали б радости наместо дальней ссоры;
Но Душенькин супруг тогда нередко был
Задумчив и уныл,
И часто повторял угрюмы разговоры,
Являя ей тщету и света и похвал.

Впоследствии Душеньку в слезах увещавал.
Чтобы, храня завет среди утех любовных.
Боялась в том измен от самых даже кровных;
Что зависть ей беды возможет нанести,
И, если судит так предел богов верховных,
Ее от лютых зол не может он спасти.
Вздыхнув по Душеньке в боязнях толь суровых,
Супруг едва тогда из дому отлетел,
Как некакий зефир, посланный для дел.
Принес отвсюду к ней пуки известий новых.
Она узнала, что две ее сестры
Пришли искать ее у страшной той горы,
Откуда некогда счастливейшим зефиром
Она вознесена во области над миром;
Что тамо под горой из множества пещер
Страшают их драконы,
И что он мог принести царевне от сестер,
Вернее всех вестей, и письма и поклоны.
Зефир! Зефир! Когда б ты знал
Сих злобных сестр коварны лести,
Конечно бы тогда скрывал
Для Душеньки такие вести!
Почто не встретился какой ли б скорый дух,
Кому бы ведом был о том подробный слух
И кто бы, при такой от кровных ей измене,
Зефиру мог сказать, чтоб он болтал помене?
Но воля в том была небес,
Чтобы зефир, без всякой встречи,
По воздуху ловя на свете всяки речи,
К царевне с ветром их принес;
И так оставили злодеючи ей боги,
Чтоб сестр она потом взяла к себе в чертоги.

Обыкли Душенька любить родную кровь
И должную хранить к сестрам своим любовь,
Супружние тогда забыла все советы:
Зефиру тот же час, скорее как ни есть,
Сестер перед себя велела в рай привести.
Не видя ж никакой коварства их приметы,
Желала показать
Наряды, и парчи, и камки, и кровать,
И дом, и все пожитки
И с ними разделить своих богатств избытки.
Когда о том никто не знает,
И радость только тот вкушает,
С другими кто ее делит.

Не в долгом времени царевны к ней предстали,
И обе Душеньку со счастьем поздравляли,
И за руку трясли, и крепко обнимали,

И радость изъявляли
С усмешкой на лицах.
Но зависть весь свой яд простерла в их сердцах,
Представя их очам, как будто грех природы,
Что младшая сестра за красоту свою
Живет, господствуя в прекраснейшем раю,
И тамо служат ей зефиры и амуры.
К тому сказала им царица с хвастовством,
И что супруг ее любезней Аполлона,
Прекрасней Купидона;
Что он из смертных всех красот
На выбор взял ее в супруги;
Что отдал ей во власть летучий свой народ
И рай в ее услуги.
Такая похвала была ли безо лжи?
Читатель ведает — когда кого мы любим,
«Да где ж супруг, скажи?..»
Не зная, что сказать и как себя оправить,
Сестрам своим в ответ
Царица, покраснев, сказала: «Дома нет».
Но как она притом старалась их забавить,
Легко тогда могли они себе представить,
Что Душенькин супруг
Имеет в небе рай, и трон, и много слуг,
И младость, и красу, и радость без печали,
И Душеньку на жизнь вознес в небесный круг;
И то, чего они не знали, не видали,
Завидуя сестре, легко воображали
И с горькой жалобой промеж собой шептали:
«За что супруга ей судьбы такого дали?
А мы и на земли
Едва мужей нашли,
И те, как деды, стары,
И нам негодны в пары»;
И, завистью дыша,
Царицы Душеньку нещадно тут хулили
И с повторением впоследствии говорили,
Что Душенька была отнюдь не хороша.

Злоумна ненависть, судя повсюду строго,
Очей имеет много
И видит сквозь покров закрытые дела.
Вотще от сестр своих царица их скрывала,
И день, и два, и три притворство продолжала,
Как будто бы она супруга въявь ждала:
Сестры темнили вид, под чем он был не явен.
Чего не вымыслит коварная хула?
Он был, по их речам, и страшен и злонравен,
И, верно, Душенька с чудовищем жила.
Советы скромности в сей час она забыла;

Сестры ли в том виной, судьба ли то, иль рок,
Иль Душенькин то был порок,
Она, вздохнув, сестрам открыла,
Что только тень одну в супружестве любила;
Открыла, как и где приходит тень на срок,
И происшествия подробно рассказала;
Но только лишь сказать не знала,
Каков и кто ее супруг,
Колдун, иль змей, иль бог, иль дух.
Коварные сестры тогда, с лицом усмешным,
Взглянулись меж собой, и сей лукавый взгляд
Удвоил лести яд,
Который был прикрыт приязни видом внешним.
Они, то с жалостью, то с гневом и стыдом,
И с неким ужасом сестре внушить старались,
Что в страшных сих местах всего они боялись,
Что в нем живут, конечно, змеи
Или злотворны чародеи,
Которые, устроив рай
И все возможные забавы,
Манят людей в сей чудный край
Для сущей их отравы.
К тому прибавили, что будто в стороне
Поутру видели оне
С домового балкона
Над гротом в воздухе подобие дракона,
И будто б там летал с рогами страшный змей,
И будто б искры там он сыпал из ноздрей,
И в роще, наконец, склонясь у гор к партеру,
При их глазах пополз, сгибаючись, в пещеру.
Царевны впоследствии вмешали в разговор
Бесчестье и позор
На будущие роды,
Когда пойдут от ней нелепые уроды
Иль чуды, с коими не можно будет жить
И кои будут мир страшить.

Во многом Душеньку уверить было трудно;
Но правда, что она сама свой тайный брак
Почесть не знала как:
Ее замужство ей всегда казалось чудно.
Зачем бы сей супруг скрывался от людей,
Когда бы не был змей
Иль лютый чародей?
Впоследствии Душенька в задумчивости мнила,
Что некая в дому неистовая сила
Ее обворожила;
Что муж ее, как змей, как самый хищный тать,
При свете никому не смел себя казать;
Что он не мог иметь ни веры, ни закона

И хуже был дракона.
Царевна в сей прискорбный час
Забыла райские утехи;
Замолк приятных песен глас,
Уныли радости и смехи.
Злотворных сестр и речь и взгляд
Простерли мрачной скуки яд.
Амуры вдруг вострепетали
И с плачем дале отлетали
От сих любимых им палат.
Царевна там одна с сестрами
В свободе продолжала речь,
И непременно судьбами
Сих слов никто не мог стеречь.
«Могу ль я в свете жить? — царевна говорила. —
Постыл мне муж и жизнь постыла.
Несчастлива Душенька! ты мнила быть в раю,
И участь выше всех считала ты свою;
Но, с родом разлучась и вне земного круга,
Кого имеешь ты супруга?
Волшебный лишь призра́к,
Который делает позорнейшим твой брак
И ужасает всех сокрытым вероломством.
Кого впоследствии ты должна иметь потомством?
Чудовищ, аспидов иль змей каких-нибудь.
Но если тако мне предписано судьбами,
Скорее меч вонжу в мою несчастну грудь.
Любезные сестры! навек прощаюсь с вами.
Скажите всем родным подобными словами,
Что знали от меня, что видели вы сами;
Скажите, что я здесь обманута была;
Что я стыжуся жить... скажите — умерла!»
Сестры, как бы уже за злобу казней ждали,
Советами тогда царевне представляли,
Что красных дней ее безвременный конец
От наглой хищности вселенну не избавит,
А после, может быть, толь лютых зол творец
И всех ее родных пожрет или удавит;
И что, вооружась на жизнь свою, она
Должна пред смертью сей, как честная жена.
В удобный сонный час убить бы колдуна.
Но сей поступок был для Душеньки опасен,
Противен и ужасен:
Чуждалася она злодейственных смертей,
И жалость навсегда господствовала в ней;
И, может быть, любовь, какой она стыдилась,
Еще в груди ее таилась.
Убийственный совет царевна получа,
Представила в словах мятущихся и косных,
Что в доме не было меча,

Ниже каких-нибудь орудий смертоносных;
И как убить в ночи пустую только тень.
Котора исчезает в день?
И где достать к сему наряду
С огнем фонарь или лампаду?
В сии печальны дни
Зефиры с вечера гасили все огни.
Сестры решительно и смело отвечали
На Душенькину речь,
Что тотчас принесут надежный самый меч,
И вместе принести лампаду обещали.
Приметить было лъзя из слов ее печальных:
Смущенна Душенька тогда без мыслей дальных
Желала только знать, каков ее супруг,
И, взоры обращая к саду,
Идущих сестр своих просила много раз
Не позабыть лампаду.

Уже зephyрам дан приказ
Нести сих сестр к земному шару,
Они, летя из мира в мир,
Мешают с воздухом эфир
И с бурей, дождем и громом
Являются пред неким домом:
То был Кашеев арсенал,
Где с самых древних лет держался
Волшебный меч или кинжал,
Которым Геркулес сражался,
Когда чудовищ поражал.
Сей меч единым сильным махом
У Гидры девять глав отсек;
Сей меч хранился там под страхом
И в сказках назван Самосек.
Он в крепких был стенах закладен,
Но куплен ли, иль просто взят,
Иль был оттоль тогда украден,
Писатели о том молчат;
Известно только ныне в свете
Что точно он блистал в полете;
Что две царевны, от земли
Приняв воздушные дороги,
Сей меч в Амуровы чертоги
Тогда с лампадой унесли,
И скоро с Душенькой простились,
И скоро в путь домой пустились.
О, если б ведала несчастна царска дочь,
Колико вредны ей сей меч, сия лампада!
Амуры ей могли ль советами помочь?
Она бежала их присутствия и взгляда
И в мыслях будущу имела только ночь.

Светило дневное уже склонилось к лесу,
Над домом черную простерла ночь завесу,
И купно с темнотою
Ввела царевнина супруга к ней в покой,
В котором крылося несчастно непокорство.
И если повести не лгут,
Прекрасна Душенька употребила тут
И разум, и проворство,
И хитрость, и притворство,
Какие свойственны женам,
Когда они, дела имея по ночам,
Скорее как-нибудь покой дают мужьям.
Но хитрости ль ее в то время успевали,
Иль сам клонился к сну грызением печали, —
Он мало говорил, вздохнул,
Зевнул,
Заснул.
Тогда царевна осторожно
Встает толь тихо, как возможно,
И низу, по тропе златой,
Едва касаяся пятой,
Выходит в некакий покой,
Где многие от глаз преграды
Скрывали меч и свет лампы.
Потом с лампадою в руках
Идет назад, на всякий страх,
И с воображением печальным
Скрывает меч под платьем спальным;
Идет и медлит на пути,
И ускоряет вдруг ступени,
И собственной боится тени,
Бояся змея там найти.
Меж тем в чертог супружний входит,
Но кто представился ей там?
То был... но кто?.. Амур был сам;
Сей бог, властитель всей природы,
Кому покорны все амуры.
Он в крепком сне, почти нагой,
Лежал, раскинувшись в постеле,
Покрыт тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой
И частью лишь была на теле.
Склонив лицо ко стороне,
Простерши руки обоюду,
Казалось, будто бы во сне
Он Душеньку искал повсюду.
Румянец розы на щеках,
Рассыпанный по верх лилеи,
И белы кудри в трех рядах,
Вьючись вокруг белейшей шеи,

И склад, и нежность всех частей,
Иль кои крылися от виду,
Могли унижить Адонида,
За коим некогда, влюблясь,
Сама Венера, в дождь и в грязь,
Бежала в дикие пустыни,
Сложив величество богини.
Таков открылся бог Амур,
Таков, иль был тому подобен,
Прекрасен, бел и белокур,
Хорош, пригож, к любви способен,
Но в мыслях вольных без препятств,
За сими краткими чертами
Читатели представят сами,
Каков явился бог приятств
И царь над всеми красотами.

Увидя Душенька прекрасно божество
Наместо аспида, которого боялась,
Видение сие почла за колдовство,
Иль сон, или призрак, и долго изумлялась;
И видя наконец, что каждый видеть мог,
Что был супруг ее прекрасный самый бог,
Едва не кинула лампы и кинжала,
И, забыв тогда свою приличну стать,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Как будто б никогда его не обнимала.
Но удовольствием жадающих очей
Остановлялась тут стремительность любовна;
И Душенька тогда, недвижна и бессловна,
Считала ночь сию приятней всех ночей.

Она не раз себя в сем диве обвиняла,
Смотря со всех сторон, что только зреть могла,
Почто к нему давно с лампадой не пришла,
Почто его красот заране не видала;
Почто о бже сем в незнании была
И дерзостно его за змея почитала.

Впоследок царска дочь,
В сию приятну ночь
Дая свободу взгляду,
Приблизилась, потом приблизила лампаду,
Потом, нечаянной бедой,
При сем движении, и робком и несмелом,
Держа огонь над самым телом,
Трепещущей рукой
Небрежно над бедром лампаду наклонила
И, масла часть пролив отголь,
Ожогою бедра Амура разбудила.
Почувствуя жестоку боль,
Он вдруг вздрогнул, вскричал, проснулся
И, боль свою забыв, от света ужаснулся;
Увидел Душеньку, увидел также меч,
Который из-под плеч
К ногам тогда скользнулся;
Увидел все вины
Или признаки вин зломышленной жены;
И тщетно тут она желала
Сказать несчастья все с начала,
Какие в выправку сказать ему могла.
Слова в устах останавлиались;
И свет и меч в винах уликою являлись,
И Душенька тогда, упадши, обмерла.

КНИГА ТРЕТИЯ

Бывала Душенька веселостей душою,
Бывала Душенька большою госпожою;
Бывало в прошлы дни, под кровом у небес,
Когда б лишь капля слез
Из глаз ее сверкнула,
Или бы Душенька о чем-нибудь вздохнула,
Или б поморщилась, иль только бы взглянула,
В минуту для ее услуг
Полки духов явились вдруг,
С водами, спиртами, из разных краев света;
И сам Эскулап, хотя далеко жил,
Тотчас бы сыскан был,
Пощупать, посмотреть иль просто для совета,

И всю б свою для ней науку истощил.
Когда же во дворе рассеялися слухи,
Что Душенька в раю преслушала закон
И что ее за грех оставил Купидон,
Оставили ее и все прислужны духи.
Зефиры не были в числе неверных слуг:
Сии за Душенькой старинны волокиты
Одни остались из всей придворной свиты,
Которые вдали над ней летали вкруг.
Но всем известно то, зефиры были ветры,
И были так легки, как наши петиметры:
Увидев красоты, что преж сего цвели,
Увидев их тогда поблеклы, бездыханны,
Зефиры не могли
В привязанности быть надолго постоянны
И, кинув царску дочь,
Лететь пустились прочь.
Красавицы двора, которы ей служили,
Хотя, казалось, об ней тогда тужили,
Но каждая из них имела красоты,
Имела собственны дела и суеты,
Стараяся, ища, ласкаясь, уповая:
Авось либо творец прекраснейшего рая,
Авось либо сей бог веселий и утех,
Оставив Душеньку за дурость и за грех
И вспомнив древнюю их верность и услугу,
Впоследок кинет взор
На собственный свой двор
И, может быть, из них возьмет себе супругу;
И каждая, хваля начальницу свою,
Желала быть сама начальницей в раю.

Амуры боле всех к царевне склонны были:
По старой памяти всегда ее любили
И, видя злую с ней напасть,
Усердно ей помочь хотели,
Но, чтя покорно вышню власть,
В то время к ней отнюдь приблизиться не смели.
Иль, может быть, и так они, предвидя впредь
Ее несчастья и печали,
Судили — легче ей в сей доле умереть,
И ей из жалости тогда не помогали.
Они увидели, увы! в тот самый час
Зефирам на ветру написанный приказ...
Амуры с Душенькой расстались, возрыдали
И только взорами ее препровождали.
Зефиры царску дочь обратно унесли
Из горных мест к земли,
Туда, откуда взяли,
И там

Оставили полмертву,
Как будто лютым львам
И аспидам на жертву.
Умри, красавица, умри! Твой сладкий век
С минувшим днем уже протек!
И если смерть тебя от бедствий не избавит,
Сей свет, где ты досель равнялась с божеством,
Отныне в скорбь тебе наполнен будет злом
И всюду горести за горестями представит.
Твой рай, твои утехи,
Забавы, игры, смехи
С их временем прошли, прошли, как будто сон.
Вкусивши сладости, когда кто их лишился
И точно ведает их цену и урон,
И боле — кто, любя, с любимым разлучится
И радости себе уже не чает впредь,
Легко восчувствует, без дальнейшего слова,
Что лучше Душеньке в сей доле умереть.
Но гневная судьба была к ней столь сурова,
Что, сколь бы грозных парк на помощь ни звала
И как бы смерти не искала,
Судьба назначила, чтоб Душенька жила
И в жизни бы страдала.

По нескольких часах,
Как вымытый в водах
Румяный лик Авроры
Выглядывал на горы
И Феб дружился с ней на синих небесах,
Иль так сказать в простых словах:
Как день явился после ночи
Очнулась Душенька, открыла ясны очи,
Открыла... и едва опять не обмерла,
Увидев где и как тогда она была.
Наместо божеских, прекраснейших селений,
Где смехов, игр, забав и всяких слуг собор
Старалась примечать и мысль ее и взор
И ей услуживать, не ждавши повелений,
Наместо всех в раю устроенных чудес,
Увидела она под сводами небес
Вокруг пустыню, гору, лес,
Пещеры аспидов, звериные берлоги,
У коих некогда жрецы и сами боги,
И сам отец ее, сама царица-мать
Оставили ее судьбы своей искать,
Искать себе четы, не ведая дороги.
Увидела она при утренней заре,
В ужасной сей пустыне,
На самой той горе,
Куда, по повестям, везде известным ныне,

Ни зверь не забегал,
Ни птицы не летали
И где, казалось, лишь страхи обитали, —
Увидела себя из райских покрывал,
Лежащу в платье простом и ненарядном,
В какое Душеньку в несчастье бесприкладном,
Оставив выкладки и всякие махры,
Родные нарядили,
Когда на верх горы
Ее препроводили.
Хотя же Душенька, привыкнувши к бедам,
Ко страху и несчастью,
Могла бы ожидать себе отрады там
Богов хранителей везде присущной властью,
И, веря всяким чудесам,
Могла б в их помощи легко себя уверить
И несколько бы тем печаль свою умерить, —
Но Душенька дотоль в раю
Была супругою Амура,
И участь Душенька свою
Утратила потом, как дура,
Утратила любовь превыше всех утех,
Любовь нежнейшего любовника и друга,
Иль паче божества под именем супруга.
Проступок свой тогда вменяя в крайний грех,
Жарчайшею к нему любовью пламенела;
Стократ она, в поправку дела,
Прощения просить хотела
У мужа, у богов, у каждого и всех,
Но способов к тому в пустыне не имела:
В пустыне сей никто — ни человек, ни бог —
Ни видеть слез ее, ни слышать слов не мог.
Амур в сей час над ней невидимо взвивался,
Тая свою печаль во мраке черных туч;
И если проницал к нему надежды луч,
Надеждой Душеньку утешить он боялся.
Он ею тайно любовался,
Поступки он ее украдкой примечал,
Ее другим богам в сохранность поручал
И, извиняя в ней поспешность всякой веры,
Приписывал вину одним ее сестрам.
Известно то, что он по проискам Венеры,
Царевну должен был тогда предать судьбам,
И что толико в лютой части,
Спасая жизнь ее от злобствующей власти,
Какою ей тогда Венерин гнев грозил,
Противу склонности повсюду ухищрялся,
Против желания повсюду притворялся,
Как будто б он уже царевну не любил.
Не смея же ей сам явить свои прислуги,

Он эху той округи
Строжайший дал приказ,
Чтоб эхо всяку речь царевнину внимало
И громко повторяло
Слова ее сто раз.

«Амур, Амур!» — она вскричала...
И может быть, что речь еще бы продолжала,
Как некий бурный шум средь облак в оный час
На время прекратил ее плачевный глас.
На вопль отчаянной супруги,
Который поразил и горы и леса
Печальной сей округи,
Который эхо там, во многи голоса,
Несло наперехват под самы небеса,
Амур, придавшись движенью некой страсти,
Забыв жестоку боль бедра
И все, что было с ним вчера,
Едва не позабыл уставы вышней власти,
Едва не бросился с высоких облаков
К ногам возлюбленной, без всяких дальних слов,
С желаньем навсегда отныне
Оставить пышности небес,
И с нею жить в глухой пустыне,
Хотя б то был дремучий лес.
Но, вспомнив, нежный бог, в жару своих желаний,
Несчастливый предел толь лестных упований
И гибель Душеньки, строжайшим ей судом
Грядущую потом,
Умерил страсть свою, вздохнул, остановился,
И к Душеньке с высот во славе он спустился:
Предстал ее глазам,
Предстал... и так, как бог, явился;
Но, в угождение Венере и судьбам,
Возрел на Душеньку суровыми очами,
И так, как бы ее оставил он навек,
Гневливым голосом, с презором произрек
Строжайшую ей часть, предписанну богами:
«Имей, — сказал он ей, — отныне госпожу,
Отныне будешь ты Венериной рабою,
Отныне не могу делить утех с тобою...
Но злобных сестр твоих я боле накажу».

«Амур, Амур!» — опять царевна возгласила...
Но он при сих словах,
Не внемля, что она прощения просила,
Сокрылся в облаках!
Сокрылся и потом в небесный путь пустился,
И боле не явился.
Болтливы эхи дальних мест,

Которы, может быть наукой от Венеры,
Подслушивали речь из ближней там пещеры
И видели его свиданье и отъезд,
Впоследствии разнесли такую в мир огласку,
За быль или за сказку,
За правду иль прилог,
Что, будто чувствуя жестокою ожогу,
Амур прихрамывал на раненую ногу;
И будто бы сей бог,
Сбираясь к небесам в обратную дорогу,
Лучом своим и сам царевну опалил
И множество древес сим жаром повалил.
Но как то ни было, любви ль нежной сила
Или особая господствующа власть
Соделывала в ней мучительную страсть:
Супружню всю она суровость позабыла,
Лишь только помнила, кого она любила
И дерзостью своей чего себя лишила.
Чего ей ждать тогда осталось от небес?
В отчаяньи, пролив потоки горьких слез,
Наполнив воплями окружный дол и лес,
«Прости, Амур, прости!» — царевна вопияла
И в тот же час лихой,
Бездонну рывину увидев под горой,
С вершины в попасть рва пуститься предпрियाла,
Пошла, заплакала, с платочком на глазах,
Вздыхнула! ахнула!.. и бросилась в размах.
Амур оставил ли зефиров без наказа,
Велел ли Душеньку стеречь на всех горах,
Читатель может сам увидеть то в делах.
В тот час и в тот момент усердный Скоромых —
Зефир, слуга ее при ветренных путях, —
Увидев царску дочь в толь видимых бедах,
Не ждал себе о том особого приказа,
Оставил все дела в высоких небесах,
Тряхнул крылом, порхнул три раза,
И Душеньку тогда, летящую на низ,
Прикрыв воскрылием своим воздушных риз
От всякой наглости толпы разносторонной,
Как должно подхватил,
Как должно отдалил
От пропасти бездонной
И тихо положил
На мягких муравах долины благовонной.
Он тихим дханием там воздух растворил,
Бореям дерзким дуть над нею запретил
И долго прочь не отходил,
Забыв свою любезну Флору;
Скорбел, что скоро путь свершил,
Что долго Душеньке не мог служить в подпору.

Увидев там она себя на муравах,
Неведомыми ей судьбами,
И куст яминный в головах
Меж разными вокруг цветами,
Такою истину сперва за сон почла!
И щупала себя, в сомнении и в диве,
И долго верить не могла,
Чтоб, кинувшись, была
Еще на свете вживе;
Забывшись потом,
Заснула крепким сном.
Но видела ль во сне, что было с ней доселе,
Худое ль, доброе ль на деле,
Супруга на горе иль спящего в постеле,
Иль грозную его разгневанную мать,
Историки о том забыли написать,
А только дали знать,
Что бог Амур над нею
Велел тогда летать
Снодетелю Морфею
И сном продлить ее покой,
Зефира отослав домой.
Известно ныне всем, что сон и вся натура
В то время правились указами Амура.
Амур, который зрел ее и скорбь и труд,
Амур, содетель чуд,
Легк соделать мог, чтоб Душенька уснула
И сном бы отдохнула.
И, может быть, она, возненавидев свет,
Была к небытию влекома в сей пустыне,
Как узник иногда, устав от мук и бед,
Через сон старается приблизиться к кончине.
Но, как бы ни было, по нескольких часах
Влюбленный Купидон, не спя на небесах
И охраняючи несчастную супругу,
Решился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душенька, открыла томный взор...
Но, вспомнив свой позор,
Глаза от света отвращала,
Цветы и травы вновь слезами орошала
И камням и лесам унывно возвещала,
Что боле жить она на свете не желала.
«Не буду доле жить!
Приди, о смерть! ко мне, приди!» — она вопила.
Но смерть, хотя ее царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить;
Курносо чучело с плешивой головою,
От вида коего трепещет всяка плоть,
Явилась к ней тогда с предлинною косою,

Но только лишь траву косить или полоть,
Где Душенька могла ступеньки поколоть.
Увидев наконец, что смерть за ней бежала,
Насильно Душенька скончать свой век искала:
«Зарежуся!» — вскричала,
Но не было у ней кинжала,
Ниже какого остря,
Удобного пресечь несчастну жизнь ея.
Читатель ведает, без всякой дальней справки,
Что душенька пред сим,
Летя с горы на низ, повитрясла булавки,
Чудесным действием иль случаем простым.
В сей крайности она, не размышляя боле,
Искала камней в поле,
И острый камень как-нибудь
Вонзить себе хотела в грудь.
Казался край тогда ее несчастной доле;
Нашлись остры камни там,
Но Душенька велась не к смерти, к чудесам:
Лишь только вóзмет камень в руки,
То камень претворится в хлеб
И, вместо смертной муки,
Являет ей припас снедаемых потреб.
Когда же смерть отнюдь ее не хочет слушать,
Хоть свет ей был постыл,
Потребно было ей ко укрепленью сил,
Ломотик хлебца скушать,
Потом, смотря на лес, на пропасти без дна,
На небо и на травку,
И вновь смотря на лес, умыслила она
Другую смерть себе, а именно — удавку.
В старинны времена
Такая смерть была почтенна и честна.
У турок и поднесь за смерть блаженну ставят,
Когда кого за грех не режут, а удавят.
Нередко визири и главные в полках,
И сами там султаны
За собственны свои или других обманы
Кончают свой живот в ошейных осилках.
Хотя ж в других местах
Не ставят в честь удавку
И смертью таковой казнят одних плутов,
Но ищущий конца на всяку смерть готов;
И Душенькина смерть не шла в позор и в явку.
Желала бы она
Скончаться лучше ядом;
Но вся сия страна,
Где смерть была запрещена,
Казалась райским садом,
Казалась сотворена

Для пользы иль веселья,
И тщетно было б там искать лихого зелья.
Равно же изгнан был оттоле всякий гад,
В каком бывает яд;
Итак, нельзя дивиться,
Что Душенька тогда хотела удавиться.
А где, и в чем, и как?
По многим повестям остался верный знак:
Вблизи оттоле рос дубняк,
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душеньке тогда широкий был платок,
Который с белых плеч спускался возле бок.
Несчастлива Душенька, не в многие минуты,
Неся на смерть в красу,
Явилась в лесу;
Не в многие минуты,
Кончая скорби люты
И плачась на судьбу,
Явилась на дубу;
Избрав крепчайший сук, последний шаг ступила
И к суку свой платок как должно прицепила,
И в петлю Душенька головушку вложила;
О, чудо из чудес!
Потрясся дол и лес!
Дубовый грубый сук, на чем она повисла,
С почтением к ее прекрасной голове
Погнулся так, как прут, изросший в вешни числа,
И здраву Душеньку поставил на траве;
И все тогда суки, на низ влекомы ею,
Иль сами волею своею
Шумели радостно над нею
И, съединяючи концы,
Свивали разны ей венцы.
Один лишь наглый сук за платье зацепился,
И Душенькин покров вверху остановился.
Тогда увидел дол и лес
Другое чудо из чудес!
И горы вскрикнули громчае сколь возможно,
Что Душенька была прекрасней всех неложно;
И сам Амур тогда, смотря из облаков
Прилежным взором, то оправдывал без слов;
Меж тем как Душенька в живущих оставалась,
Как бытностью ее натура красовалась,
Явился ей еще удобный смерти год,
Которым чаяла окончить свой живот.
Не могли к дубу прицепиться,
Она решилась утопиться.
На случай сей река
Была недалеко.

Царевна с берега крутого,
Где дно реки от глаз скрывалось под водой,
На смерть пустилась снова.
Но вдруг, противную судьбой,
Поехала она на щуке шегардой;
И, ехав поверху опаснейшей дороги,
Мочила Душенька лишь хвост и ноги.
К хранению ее прибавлен был конвой:
Другие тут же щуки,
Наукой от богов иль просто без науки,
Собравшись, как должно в строй,
От всяких случаев царицу ограждали
И в путь с плесканьем ее препровождали.
Иные говорят,
Что будто в щуках там заметили наряд,
И что наяды эскадроном
Явились к Душеньки с поклоном.
Не знаю, правда ль то, лишь нет сомненья в том,
Что некие тогда из сих наяд, иль рыб,
Которых род с рекой со временем погиб,
Служив дотоль в раю под счастливым законом,
За Душенькою тут спешили вслед догоном,
В старинном их строю
Признать, по должности, владычицу свою,
Забыв, что бог прекрасна рая,
С тех пор как райску жизнь в ничто преобразил,
Служивших там, как бы карая,
Оттоль на волю распустил.
Несчастлива Душенька, сколь много не старалась
В речном потоке утонуть,
Со щукою неслась благополучно в путь,
И с берега к другому добиралась.
В сих муках тщетно жизнь кляла
И тщетно снова смерть звала;
На зов плывучий сонм вопил единогласно,
Что Душенька в бедах
Без пользы и напрасно
Стремится кончить жизнь в водах;
Что боги пусть продлят ее прекрасны годы,
И что ее на смерть отнюдь не примут воды.
Остался наконец единый смерти род,
Который Душенька не испытала,
Что, может быть, огнем скончает свой живот.
Вдали в то время дым курился:
Ко смерти новый путь открылся,
И Душенька пошла на дым;
И случаем тогда, видущим иль слепым,
Пришла к речному берегу,
И там на муравах
Нашла огонь в дровах

К рыбацьеву ночлегу.
Хозяин оных дров,
Престарый рыболов
В ладье своей на лов
Отплыл во оно время.
Царевна жизни бремя
Легко могла пресечь
Могла себя сожечь
В пустом широком поле,
В просторе и на воле.
Никто б ее извлечь,
Никто б не мог оттоле,
Когда бы небеса
От смертного часа
Ее не отдалили
И новы чудеса
Над ней не сотворили.
Она, сказав ко всем последние слова,
Лишь только бросилась во пламень на дрова,
Как вдруг невидимая сила
Под нею пламень погасила.
Мгновенно дым исчез, огонь и жар потух,
Остался лишь потребный теплый дух,
Затем, чтоб ножки там царевна осушила,
Которые в воде недавно замочила.
Узрев себя она безвредну на дровах,
Вскричала громко: ах!..
Сей глас раздался на волнах,
Восколебались тихи волны,
Всплеснулись рыб различны роды,
Взвернулась трижды вкруг
Ладья у рыболова,
И все то сталося вдруг
От Душенькина слова.
Не знаю, волею ль не сей внезапный крик
В ладье своей старик
Назад стремился к берегу
Иль чудом вверх воды несло его ко берегу;
Но знаю, что потом сей древний в мире дед,
Взглянув на близь своей повети,
Забыл преклонность лет,
Пустил из рук рыбацьи сети,
Прыгнул из лодки ко дровам
И пал к царевниным ногам,
Хотя не ведал с нею чуда,
Ни кто она была,
Зачем туда пришла,
Каким путем, откуда.

«О праотец земных родов,
Иль сын, конечно, праотцов! —
Царевна к старцу вопияла. —
Ты помнишь бытность всех времен;
И всяких в мире перемен;
Скажи, как свет стоит сначала,
Встречалось ли когда кому
Несчастье, равно моему?
Я резалась и в петлю клалась,
Но горькой учести моей,
Прошед сквозь огонь, прошед сквозь воду,
И всеми видами смертей
Приведши в ужас всю природу,
Против желания живу,
Бессмертие имею в муку
И тщетно смерть к себе зову.
Поддай свою мне в помощь руку,
Скончай мой век, мне свет постыл!» —
«Но кто ты?» — старец спросил.
«Я Душенька... люблю Амура...»
Потом заплакала, как дура;
Потом, без дальних с нею слов,
Заплакал вместе рыболов,
И с ней взрыдала вся натура.
Потом сказал ей тот же дед,
Что смерти ей на свете нет,
Как то себе она не чает,
И что еще она не знает
Готовых ей в прибавок бед;
Что злоба гневной к ней богини:
Проникал в самые пустыни;
Что, каждому в пример и в страх,
Во всех подсолнечных мечтах
Уже ее вины открыты
И грамоты о том прибиты
В распутиях и во вратах.
Притом старик роптал в слезах,
Что злобе попускают боги,
И, строгую вина судьбу,
Повел царевну он к столбу,
Где ближние сошлись дороги.
Царевна там сама прочла
Прибитый лист, в большую меру;
А что она в листе нашла,
Скажу по точному манеру.
«Понеже Душенька прогневала Венеру,
И Душеньку Амур Венере в стыд хвалил;
Она же, Душенька, румяны унижает,
Мрачит перед собой достоинства белил

И всяку красоту повсюду обижает;
Она же, Душенька, имея стойный стан,
Прелестные глаза, приятную усмешку,
Богиню красоты не чтит и ставит в пешку;
Она же взорами сердцам творит изъян,
Богиней рядится и носит хвост в три пяди, —
Того или иного ради,
Венера каждому и всем
О гневе на нее своем
По должной форме извещает
И всяку милость обещает
Тому, кто Душеньку на срок
К Венерину лицу представит.
А буде кто ее отправит
Противу силы оных строк,
Иль буде где ее укроет,
Иль повод даст укрыться ей,
Тот век вины своей не смоеет
Ни самой кровию своей».

Всплеснула Душенька руками,
Прочтя толь грозные слова:
«О боги! видите вы сами, —
Вопили камни и древа, —
На то ли Душенька жива,
На то ль одарена красами,
И чем виновна перед вами,
Когда родилась такова?»
Уже тогда весь мир читал о ней сыскную,
Весь мир о ней равно жалел:
Иной бранил богиню злую,
Другой сыскную драть хотел.
Одни, из должности, цитерские пролазы
Твердили по утрам о Душеньке приказы,
Который всяк потом охотно забывал,
И Душеньку, кто мог охотно укрывал,
Но как то ни было, бояся ли пролазов,
Бояся ли приказов,
Водима ль стариком,
Иль собственным умом,
Царевна наконец за благо рассудила
Просить о помощи степеннейших богинь,
Счастливее она б богов о том просила;
Но с времени, когда Амура полюбила,
По мысли никого в богах сыскать не мнила:
Кто резок был иль трус, кто горд иль глупый шпынь.
И, может быть, она в то время находила
В верховнейших богах немалу часть разинь.
Вначале Душенька пошла просить Юнону,
Которая тогда, оставив небеса,

За мужем бегала и в горы и в леса.
Она могла б давать несчастным оборону,
Но собственну свою тогда имела грусть.
Юнону хоть любил Юпитер по закону,
Любя других, не мог к ней верности соблюсть;
Везде по свету волочился,
Был груб, был дик,
Как вепрь иль бык,
И часто под дождем по целым дням мочился.
И после до ушей Юноны слух проник,
Что подлинным быком в Европе он явился
И подлинным дождем к Данае он спустился,
Забыв отца богов достоинство и чин.
Для множества таких причин,
И, может быть, за то, как видела Юнона,
Что Душенька сама
Могла Юпитера соделать без ума,
«Поди, — сказала ей богиня вышня трона, —
Проси о деле купидона,
Или поди проси других,
А мне довольно бед своих».

Царевна, по народной вере,
Пошла с прошением к Церере.
В те дни сбирался хлеб с полей,
И хлебодатная богиня
У всех своих тогда являлась олтарей,
Тогда на всех лилась от ней
Щедрота, милость, благостыня.
Но доступ для сего к Церерину лицу
Дозволен только был жрецам или жрецу,
И кто к богине шел для просьбы иль вопроса,
Не мог услышан быть без жертвы и приноса;
А Душенька была в то время всех бедней,
И не было тогда у ней
Отцовских денег, ни перстней;
Возненавидев жизнь, как знают все, дурила
И добрым людям их дорогой раздарила.
Остался у нее пастуший сарафан,
Который был ей дан
Разумным рыболовом,
Чтоб в сем наряде новом
Укрыть ее от бед хотя через обман;
Осталась красота, о коей все трубили,
Но красоты чужой богини не любили,
И, им последуя, жрецы, известно то,
Отменный дар красот вменяли ни во что.
Жрецы тогда ее, до будущего лета,
Отправили оттоль без всякого ответа.

В сей скорби Душенька, привыкши всех просить,
Минерву чаяла на жалость преклонить.
Богиня мудрости тогда на Геликоне
Имела с музами ученейший совет
О страшном некаком наклоне
Бродящих близ земли комет,
Которы долгими хвостами,
Пугая часто робкий свет,
Пророчили беды местами
И Аполлонов путь
Грозили в мир запнуть.
На всё же, что тогда царевна представляла
Без всякой жалости богиня отвечал,
Что мир без Душеньки стоял из века в век;
Что в обществе она не важный человек;
И паче, как хвостом комета всех пугает,
На Душеньку тогда взирать не подобает.
К Диане Душенька явить не смела глаз;
Богиня та любви не ведала зараз:
Со свитой чистых дев, к свободе устремленных,
К невинной вольности, нося колчан и лук,
Пускаясь быстро в бег, любя проворство рук,
Гонялась за зверьми в пустынях отдаленных.
Никто не нарушал дотоль ее забав;
Еще не видела она Эндимиона,
И строгостью себе предписанна закон
Лишила б Душеньку и милостей и прав.

Куди идти? еще к Минерве иль к Церере?
Поплакав, Душенька пошла к самой Венере.
Проведа она, бродя по сторонам,
Что близко от пути, в приятнейшей долине,
Стоял известный храм
С надвратной надписью: «Прекраснейшей богине».
Нередко в сих местах утех всеобщих мать,
Мирских сует слагая бремя,
Любила отдыхать.
Туда от разных стран народ во всяко время
Толпой стекался воздыхать.
Иные шли туда богиню прославлять,
Другие к милостям признание являть,
Другие ж их просить иль просто погулять.
В таком стечении народа
Несчастлива Душенька, избрав тишайший час
И кроясь всячески от всех сторонних глаз,
Со трепетом рабы туда искала входа.
Одною лишь в бедах
Надеждой утешалась,
Что, может быть, она, хоть вольности лишалась,

Увидит в сих местах
С Венерой Купидона
И, забывая страх
Строжайшего закона,
Вдавалась в сладости различных лестных дум,
Какими упоён бывает страстный ум.
В сих мыслях Душенька приблизилась ко храму
И там, задумавшись, едва не впала в яму,
Куда от разных жертв за двор
Смешался в кучу разный сор.
Но, впрочем, все места казались тамо садом,
И благовонная катилась роса
На мирту, на лимон, на всяки древесца,
И храм курился вкруг душистым всяким чадом.

По сказкам знают все, что шелковы луга,
Сытовая вода, кисельны берега
Богине красоты всегда принадлежали
И по долине там дороги окружали.
Издrevле бог войны
Строжайший дал приказ, в угодность сей богине,
Чтоб вечно в той долине
Трубы военной звук не рушил тишины.
Известно всем, что там и самы дики звери
К овцам ходили в двери,
И овцы, позабывши страх,
Гуляли с ними на лугах
И с самой вольной простотою
Питались киселем с сытою,
Навеки в животе,
В здоровье, красоте;
Живуща тварь не убивалась,
Насильством кровь не проливалась,
Неведом был скорбящих глас,
И вся природа всякий час
Согласием сочетавалась.
В середине сих лугов,
И вод, и берегов
Стоял богинин храм меж множества столпов.
Сей храм со всех сторон являл два разных входа:
Особо — для богов,
Особо — для народа.
Преддверия, врата, и храм, и олтари,
И каждая их часть, и каждая фигура,
И обще вся архитектура
Снаружи и внутри
Изображала вид игривого Амура,
Иль вид забав и торжества
Властительного там прекрасна божества;
Венеры чудное рождение из пены

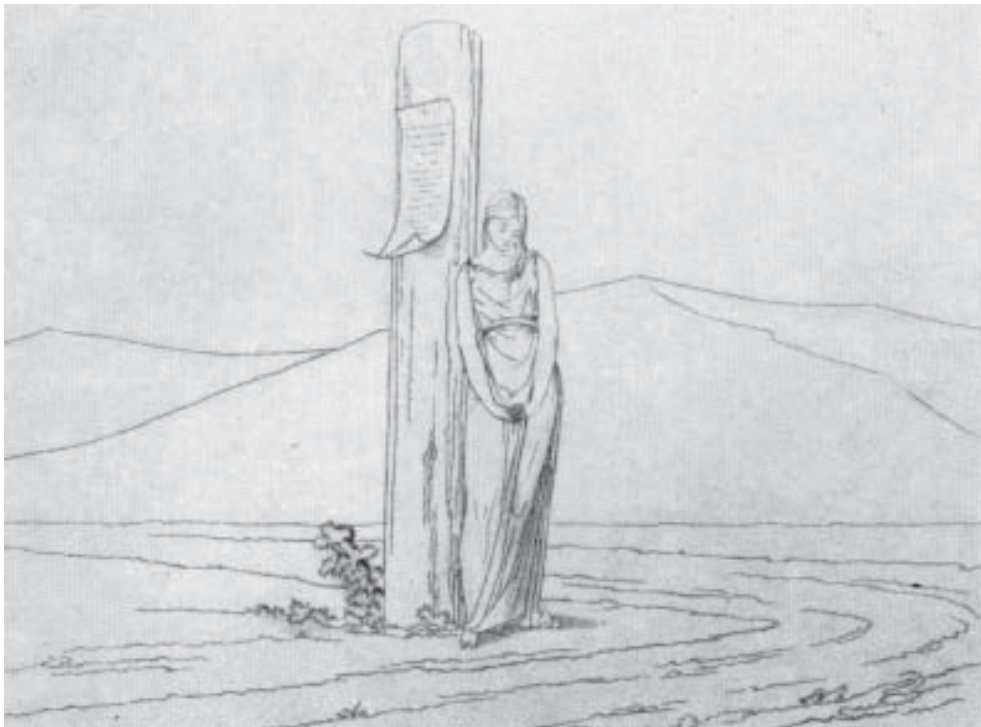
И всяка с нею была, приятная в чертах,
Особо выделялись в картинах и коврах,
Какими изнутри покрыты были стены.
Во внутренности там различных олтареЙ
Различны дани приносились
От всех наук, искусств, художеств и затей,
И знатных и простых людей,
Которы все в число достойнейших просились:
Иной, желая приобрести
Любовью к некоей музе честь
И данью убедить любовницу скупую,
Привесил в уголок цевницу золотую;
Другой, себе избрав,
По праву или без права,
В любовницы Палладу
И тщаясь получить лавров венец в награду,
Привесил ко столбу
Серебряную трубу;
Иной, ища любви несклоннейшей Алкмены,
Во храме распестрил малярной кистью стены.
Но дани, приносимы в храм
Не по богатству или чинам,
Могли казаться тамо кстати;
И часто там простой пастух,
Неся богине в дар усердный только дух,
Предпочитаем был блистательнейшей знати.
На среднем олтаре,
Под драгоценнейшим отверстым балдахинем,
Стял богинин лик особым неким чином,
Во всей поре,
Во всей красе и в полной славе,
В подобной, как она на некоей горе
Явилась в прежние дни к Парисовой расправе
И спор между богинь решила красотой.
Сей лик, казалось, был божественной рукой
Из мрамора иссечен
И после в образец художества примечен.
Носился в мире слух, что будто Пракситель
Оттуда взял модель
И, точно по примеру,
Представил в первый раз во всей красе Венеру.
Никто из вшедших в храм не мог или не смел
Не преклонять колен пред сим прекрасным ликом;
И каждый, как умел,
Богине гимны пел,
В усердии глуша один другого криком.
Над храмом извивался рой
Амуров, смехов, игр, зефиров,
Которы всякою порой
Туда слетались от всех возможных миров.

В летучем их строю
И те при храме были,
Которые в раю
При Душеньке служили.
В сей час они опять над прежней госпожой
В неведеньи летали,
Резвились и журчали;
Но Душенька тогда под длинную фатой,
Под длинным сарафаном,
Для всех была обманом:
Вошла во храм с толпою в ряд
И стала в стороне у самых первых врат.

От робости она сих мест не примечала,
Иль, помня прежнюю блаженну жизнь свою,
Когда сама была богинею в раю,
Полками разных слуг сама повелевала,
И песни и хвалы сама от всех слыхала,
Сей храм напоследи за редкость не считала, —
По воле то решить читатель может сам.
Но в храме, лишь едва лицо свое открыла,
В минуту все глаза к себе оборотила.
Возволновался храм,
Умолкли гимны там,
Пресеклись жертв приносы,
И всюду слышались лишь вести иль вопросы.
Я прежде не сказал,
Что весь народ Венеру
В сей день по слуху ждал
Из Пафоса в Цитеру.
Увидя ж Душеньку, согласно весь народ
Один другому в рот
Шептал за новы вести:
«Венера здесь тайком!..
Бежит от всякой чести!..
Венера за столбом!..
Венера под платком!..
Венера в сарафане!..
Пришла сюда пешком!..
Во храм вошла тишком!..
Конечно с пастушком!..»
И весь народ в обмане
Пред Душенькою вдруг колена преклонил.
Жрецы, со множеством курящихся кадил,
Воздев умильно длани,
Просили Душеньку принять народны дани
И с милостью воззреть
Нак всяки нужды впредь.
В сие волнение народа

Возникла вдруг молва у входа,
Что сущая уже богиня оных мест,
Влечет с собой толпы служителей на въезд
И яблоко держа Парисово в деснице,
Со всею славою, в блестящей колеснице
В тот час из Пафоса ко храму прибыла,
И вдруг при сей молве Венера в храм вошла.

Но кто представит живо,
В словах или чертах,
Богинин гнев, народный страх
И общее во храме диво,
И боле Душеньку, в невинном торжестве,
При самом храма божестве.
Вотще в то время всех царевна уверяла,
Зачем туда пришла

И кто она была,
Большая часть людей от ней не отставала,
Забыв, что в храм сама Венера прибыла.
Богиня, сев на трон и скрыв свою досаду,
Колико скрыть могла,
Оставила в сей день другие все дела
И тот же час приказ дала
Представить Душеньку во внутренню преграду.
«Богиня всех красот не сетуй на меня, —
Рекла царевна к ней, колена преклоня. —
Я сына твоего прельщать не умышляла:
Судьба меня, судьба во власть к нему послала.
Не я ищу людей, а люди в слепоте
Дивятся завсегда малейшей красоте.

Сама искала я упасть перед тобою,
Сама желала я твоею быть рабою,
И в милость только то прошу себе наперед,
Чтобы всегда могла твое лицо я зреть». —
«Я знаю умысл твой!» — Венера ей сказала,
И, тотчас кончив речь,
С царевной к Пафосу отъехать предпрियाла,
Притом с насмешкой приказала
В пути ее беречь.
Сажают Душеньку в особу колесницу,
Запрягши в путь сорок станицу;
А для беседы с ней, как будто ей чета,
Садятся тут же рядом
Четыре фурии, изверженные адом:
Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.
Оставим разговор сих фурий ухищренных
И скажем наконец, к каким трудам она
Венерой в Пафосе была осуждена
И кто был вождь ее на службах повеленных.
Из многих дел и слов,
В умах напечатленных,
Известно мщение богов,
Во гневе раздраженных.
Нередко сильные, прияв на небе власть,
Бессильных поборали,
Чернили и марали,
И все, что только бы могло пред ними пасть,
Ногами попирали.
В счастливейших веках,
Конечно, нет примера
Такому мщению, какое, всем во страх,
Противу Душеньки умыслила Венера!
Умыслила свою умножить красоту,
А Душеньку привести, сколь можно в дурноту,
Чтоб все от Душеньки впоследствии отвращались
И только бы тогда Венерою прельщались.

Не знаю, в первый день, иль лучше, в перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня в мщении послала царску дочь
Принесть чрез три часа воды живой и мертвой.
Известен весь народ
О действе оных вод:
От первой кто попьет — здоровье получает;
А от другой попьет — здоровье потеряет;
Но в сем пути никто не возвращался жив.
Царевна, к службе сей, как должно прицепив
Под плечи два кувшина,
Пошла без дальна чина,
Пошла на все труды

Искать такой воды.
Куда? и кто в пути ей будет провожатым?
Амур во все часы ее напасти зрел
И тотчас повелел
Своим слугам крылатым
Поднять и перенести царевну в тот удел,
Где всяки воды протекают,
Мертвят, целят и помогают.
Зефир, который тут по склонности прильнул,
Царевне на ухо шепнул,
Что воды окружает
Большой и толстый змей свернувшись вокруг кольцом,
И никого отнюдь к водам не допускает,
Как разве кто его забавит питьецом.
Притом снабдил ее большою с пойлом флягой,
Которую велел, являсь туда с отвагой
И змею речь сказав, в гортань ему воткнуть.
Когда же пасть свою при пойле змей разинет
И голову с хвостом в то время разодвинет,
То Душенька найдет себе свободный путь
Живую ль мертвую ль водицу почерпнуть.
Зефир лишь то сказал царевна путь скончала, —
Явилася у вод
И, змею поклонясь умильну речь сказала,
Котору выдала в последок и в народ:
«О Змей Горынич Чудо-Юда!
Ты сыт во всяки времена,
Ты ростом превзошел слона,
Красою помрачил верблюда,
Ты всяку здесь имеешь власть,
Блестишь золотыми чешуями
И смело разеваешь пасть,
И можешь всех давить когтями, —
Соделай край моим бедам,
Пусти меня, пусти к водам»
Хвалы и титулы пленяют всяки уши,
И движутся от них жестоки сами души.
Услышав похвалы от женского лица,
Притом склоняясь ко сласти питьеца,
Горынич пасть разинул
И голову с хвостом при пойле разодвинул —
Открылись разных вод и реки и пруды
И разны к ним следы.
Прислужливый Зефир пока сей час не минул,
Конечно Душеньку в дорогах не покинул;
Она, в свободе там попив живой воды,
Забыла все свои дорожные труды
И вдруг здоровей стала.
Писатели гласят,
Что Душенька тогда с водой являсь назад,

В отменной красоте, как роза процветала
И пред Венерою, как солнце возблистала,
И будто бы тогда богиня умышляла
Заставить Душеньку лихую воду пить;
Но, просто случаем, иль чудом может быть,
Кувшин с лихой водой разбился,
И умысл в дело не годился
Богиня видела из таковых чудес,
Что помощь Душенька имеет от небес,
Или, точней сказать, от самого Амура;
Но, как известно было ей,
Что пагубой людей
Обилует натура,
Послала Душеньку еще в другой поход,
В надежде, что скончает там живот,
Или хоть будет жить, но будет без красот.
В саду, где жили Геспериды,
Читатель ведает, что некогда росли
Златые яблоки, иль просто златовиды,
И сей чудесный сад драконы стерегли.
А в том, или в другом саду вблизи Атласа,
Жила напоследи царевна Перекраса
Потомству все ее неведомы дела,
Но всяк о том слышал, что подлинно была
Сих чудных мест она богиня иль царица,
И в сказках на руси слыла,
Как всем известно, Царь-Девица.
О красоте ее имеет весь народ
Из повестей довод:
Златые яблоки она вседневно ела;
Известно, что от них краснела и добрела.
Но, ради страхов там и трудностей дорог,
Коснуться к яблокам никто другой не мог.
Хоть не было тогда драконов там, ни змея
Однако сад сей был под стражею Кашея,
Который сам как страж, тех яблок не вкушал
И никого отнюдь их есть не допускал.
А если приходил тех яблок кто покушать,
Вначале должен был его загадки слушать;
Когда же кто не мог загадок отгадать,
Того без милости обык он после жрать.
Венера ведая сих строгих мест законы
По коим властвуют Кашей или драконы,
Послала Душеньку не жить, а умирать,
Чтоб яблок тех достать.
Но кто ей скажет путь и будет помогать?
Зефир — она его успела лишь назвать —
Зефир ей новую явил тогда услугу;
И, чтоб холодный ветер не мог ее встречать,
Пустился с ней в сей путь по югу;

Шепнул царевне он какую вещь сказать
И как на все слова Кощеем отвечать.
Потом под яблонью подставить только полу,
В то время яблоки скатятся сами к долу,
И можно будет ей тогда оставив сад,
С добычею лететь назад
И яблок золотых вкусить по произволу.

Не в долгом времени, не в день — в единый час,
Явилась Душенька к Кощеем взять приказ;
Поклон, как должно сотворила,
Как должно речь проговорила,
Но свету речи сей
Ниже того, что ей
Загадывал Кощеем,
Она не сообщила.
Известны только нам последственные дела,
Что службу Душенька вторую сослужила;
Что в новой красоте пред прежним расцвела
И горшие себе напасти навела.

К успеху мщения пришло на ум богине
Отправить Душеньку с письмом ко Прозерпине,
Велев искать самой во ад себе пути,
И некакой оттоль горшечек принести
Притом нарочно ей Венера наказала,
Горшечка, чтоб она отнюдь не открывала.
Царевнин ревностый служитель давних лет,
Зефир скорей стрелы спутился паки в свет
И ей полезный дал совет
Идти в дремучий лес, куда дороги нет.
В лесу он ей сказал представится избушка,
А в той избушке ей представится старушка,
Старушка ей вручит волшебный посошок,
Покажет впоследствии в избушке уголок,
Оттоль покажет вниз ступени,
По коим в ад нисходят тени;
И Душенька тогда лишь ступит девять раз,
К Плутону в области окончит всю дорогу;
И, в безопасности от страхов в тот же час
Откроет напоказ
Свою прекрасну ногу,
И может впоследствии бесстрашно говорить
С Плутоном, с Прозерпиной, с Адом,
Письмо вручить,
Горшечек получить
И службу надлежащим рядом
Исправно совершить.
Последуя сему закону,
Пошла царевна в лес, куда глаза глядят,

Нашла подземный сход, ступила девять крат,
Сошла тотчас во ад,
Явилась ко Плутону.

Возволновался мрачный край,
Не ждав посольства от Венеры;
Тризевны в Тартаре церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, в сею тревогу,
Едва открыла только ногу,
Как вдруг умолкла адска тварь —
Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартар начал таять;
Подземна царства темный царь,
Который возле Прозерпины
Дремал с надеждою на слуг,
Смутился тишиною вдруг:
Возвысил вокруг бровей морщины,
Сверкнул блистаньем ярых глаз
Взглянул... начавши речь запнулся,
И с роду первый раз
В то время улыбнулся.

Узрев толь сильную поскольку полну мочь,
Какую при письме казала царска дочь,
А паче на нее воззрение Плутона,
Богиня адска трона
Велела ей скорей пресечь
Пристойную на случай речь;
И, по письму вручив горшочек ей приватно,
Ее, без дальних слов, отправила обратно.
Царевна наконец могла бы как-нибудь
Окончить счастливо и новый оный путь;
Но друг ее Зефир сначала,
Как видно, бед не предузнал
И ей особо не сказал,
Чтобы горшочка не вскрывала.
Царевна много раз
В горшочек посмотреть в пути останавлилась,
И в тот же самый час
Желанию сопротивлялась.
Напоследи, смотря и в стороны и в след
И до двора уже немного не дошед,
Венеры заповедь, и гнев, и страх презрела,
Открыла кровельку, в горшочек посмотрела.
Оттуда, случаем лихим,
Внезапно вышел черный дым.
Сей дым, за сильной густотою,
Зефиры не могли отдуть;
И белое лицо и вскрыта бела грудь

У Душеньки тогда покрылось чернотою.
Она старалась пыль платком с себя стирать;
Но чем при трении трудилась сильнее,
Тем делалась чернее,
Как будто бы свой вид трудилась марать.
Надеялась потом хоть как-нибудь водою
Прошедшую себе доставить красоту,
Но чудною бедою,
Прибавила еще, обмывшись, черноту;
И к токам чистых вод хотя лицо склоняла
И черноту свою хоть много раз купала,
Смотрясь в водах потом, уверила себя,
Что темностью она была подобна саже,
Иль просто, так сказать, красу свою сгубя,
Была арапов гаже.

В сем виде царска дочь
Стыдилась всякой встречи
И, слыша всяки речи,
От всех бежала прочь.
Для белых рук ее в народе вышла сказка,
Что будто бы она таилась от людей
И будто бы на ней
Была лишь только маска.
Иные, ей в посмех,
Давали странный образ делу
И уверяли всех,
Что боги, будто б ей за грех,
Арапску голову пришили к белу телу.
Простой же весь народ,
Любуясь Душеньки и видом и осанкой,
Дивился в ней еще собранию красот
И звал ее тогда прекрасной африканкой.
Но Душенька, сей вид
Себе имея в стыд,
То шею, то лицо платочком закрывала,
И в горести тогда, куда идти, не знала, —
Идти ли ей потом на смех и на позор
Обратно в дом к Венере
Или к родным во двор?
Но может ли их взор
За точну Душеньку признать ее по вере?
Осталось только ей сокрыть себя тогда
В какой-нибудь пещере,
Где б люди никогда
Ее толь горького не видели стыда,
И там зарыть себя живую,
Чтобы скорее тем окончить участь злую.

Амур жестокость зол подобно ощущал,
Он все ее беды иль видел, или знал.
Но для чего ее оставил он без стражи,
Когда она несла горшочек адской сажки?
Читатель сей вопрос решит, конечно, сам:
Угодно было так судьбам,
Угодно было так Венере
Чтоб Душенька была черна,
Чтоб Душенька была дурна
И крылась от людей в пещере.
Амур отвержен был в Цитере
И, в небе был тогда без сил,
Беде нарочно попустил,
Чтоб тем обезоружить злобу,
Котора Душеньку могла привести ко гробу.
Для редкости сих дел
Повсюду мир шумел
О роде Душеньки, об участи, о летах,
О всех ее приметах.
Дошла впоследствии весть,
Чрез слух иль как ни есть,
К сестрам ее коварным,
Что Душенька в раю с супругом лучезарным
Не долго прожила;
Что изгнана оттоль за некаки дела
И что напоследки, скитаясь без дела,
Иссохла, подурнела
И страшно почернела.
Они устроили на случай торжество
И громко всем трубили,
Что Душеньку везде грехи ее губили
И что за то ее карает божество.

Превратным разумах любви существо
Неведомо и странно.
Сестры царевны сей,
Навлекши скорби ей
И все ее дела ругая беспрестранно,
Отнюдь не мыслили во мраке клеветы,
Что Душенька, лишась наружной красоты,
Могла Амуром быть любима постоянно.
Амур, напастями царевны отвлечен,
Стремил старание к единому лишь виду,
Чтоб гнев судеб к ней был, сколь можно, облегчен,
Как будто бы забыл от сестр ее обиду;
Но после обратил их наглость им же в казнь:
На торжество сих сестр нарочного отправил,
Который от него, как должно, их поздравил;
Благодаря притом за дружбу и приязнь,

Прибавил, что Амур любовью к ним пылает
И с нетерпением увидеть их желает,
И только ждет, без дальних слов,
Чтобы они, взошед на каменную гору,
Какая выше всех представится их взору,
Оттуда бросились в ров;
И что потом Зефир минуты не утратит,
Тотчас летящих их подхватит,
Помчит наверх в небесный край
И прямо постановит в рай,
А там Амур явит им должные услуги,
Намерясь купно взять обеих их в супруги.

Услыша толь приятну речь,
Сестры царевнины от радости вскружились:
Скорей коней велели впречь,
В богаты платья нарядились;
Не прочили белил, ни мушек, ни румян,
Опрыскались водами,
Намазались духами,
Хулили Душеньку за дерзость и обман,
Отправились к горе, а там, с крутой вершины,
Спешили броситься в стремнины.
Но их Зефир потом наверх не подхватил,
А дул, как видно, только в тыл;
И в райское они жилище не попали,
Лишь только головы себе, летя, сломали.
Карая тако злость, меж тем прекрасный бог
Подробну ведомость имел со всех дорог,
От всех лесов и гор, где Душенька являлась,
И, сведав, что она,
В середине гор скрывалась,
Донес богам о том сполна;
Донес, что Душенька была уже черна,
Суха, худа, дурна;
И упросил тогда смягченную Венеру,
Чтоб было наконец дозволено ему
Открыто самому
Явиться к Душеньке в пещеру.
Но как представился тогда его очам
Предмет любви постоянный?
Несчастлива Душенька, в печали несказанной,
Не ела, не пила, не зрела света там.
Читатель должен знать сначала,
Что Душенька тогда лежала;
Но боком иль ничком,
Спала или дремала,
Не ведаю о том
И не хочу искать свидетельства для веры;
Лишь знаю, что она лежала на фате

У входа сей пещеры,
Скрывая голову в пещерной темноте;
А часть оставшая являлась в красоте
На зрелище пред входом;
И быть тогда могла признаком и доводом,
Когда любовный бог
О точности вещей иметь сомненье мог.
Зефиры видели и свету возвестили,
Что Душеньку Амур издалека узнал
И руку у нее, подшедши, целовал;
Но скоро их из глаз обоих упустили.
Проснувшись Душенька тогда,
Взглянула, ахнула, закрылась от стыда,
Уйти в пещеру торопилась,
И тамо наконец с Амуром изъяснилась,
Неведомо в каких словах;
А только ведомо всему земному кругу
Взаимное от них прощение друг другу
Во всех досадах и винах.

Амур потом, при всей свободе,
Велел публиковать в народе
Старинну грамоту, котору сам Зевс,
В утеху всех дурных, на землю дал с небес;
И всюду слово в слово
Та грамота тогда твердилася заново:
«Закон времен творит прекрасный вид худым,
Наружный блеск в очах переходит так, как дым,
Но красоту души ничто не изменяет,
Она единая всегда и всех пленяет».
Слова сии Амур твердя повсюду сам,
Представил грамоту Венере и богам,
А вместе с грамотой и Душеньку представил,
Котору в черноте дурною он не ставил.
Юпитер, покачав,
Разумной головою,
Амуру дал устав,
По силе старых прав,
Чтоб век пленялся он душевной красотой
И Душенька была б всегда его четою.
Сама богиня красоты,
Из жалости тогда иль некакой тщеты,
Как то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ее сноха,
Терпением своим очистясь от греха,
Наружну красоту обратно получила, —
Небесною она росой ее умыла,
И стала Душенька полна, цветна, бела,
Как преж сего была.

Амур и Душенька друг другу равны стали,
И боги все тогда их вечно сочетали.
От них родилась дочь, прекрасна так, как мать;
Но как ее назвать,
В русском языке писатели не знают.
Иные дочь сию Утехой называют,
Другие — Радостью, и Жизнью, наконец;
И пусть, как хочет всяк мудрец
На свой зовет ее особый образец.
Не применяется названием натура:
Читатель знает то, и знает весь народ,
Каков родиться должен плод
От Душеньки и от Амура.

1783